

СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ: Жизнь Уилльяма Бранхама

КНИГА ПЕРВАЯ: МАЛЬЧИК И ЕГО ЛИШЕНИЯ

(1909 — 1932)

ч. 1

Оуэн Джоргенсен

Эта книга отличается от всех прочитанных вами. Естественно, в повествовании есть немало драматизма...

Вдруг ружьё выстрелило с очень близкого расстояния, попав прямо в ноги Билли. Тот рухнул наземь, пронзительно крича от боли.

Джимми, упав на колени, стал лепетать сквозь слёзы:

— Билли, прости! Пожалуйста, прости! Это был несчастный случай! Я не нарочно...

Затем он хорошенько взглянул на ноги своего друга, и лицо его побледнело.

— Билли, не шевелись. Я сбегаю за помощью.

— Нет, не оставляй меня! — закричал Билли.

Но Джимми уже нёсся, как заяц, без оглядки. Когда же Билли посмотрел на свои ноги, он ужаснулся — они были прострелены почти надвое.

Но события только разворачиваются. Затем происходит сверхъестественное, что совершенным образом меняет взгляд на ход последующих событий.

СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ:

Жизнь Уилльяма Бранхама

КНИГА ПЕРВАЯ:

МАЛЬЧИК

И

ЕГО ЛИШЕНИЯ

(1909 — 1932)

Оуэн Джоргенсен

СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ:

Жизнь Уилльяма Бранхама

Книга первая

(1909 — 1932)

Где-нибудь в отдалённом уголке мира подросток искренне ищет ответы на свои вопросы:

На самом ли деле существует Бог? Если да, то где?

И кто же Он?

Интересует ли этого Бога моя жизнь?

Эта книга посвящается тебе, ЮНЫЙ ИСКАТЕЛЬ, ибо все эти вопросы стояли когда-то и передо мной.

Оглавление

КНИГА ПЕРВАЯ: МАЛЬЧИК И ЕГО ЛИШЕНИЯ

От автора

1. Таинственное знамение при рождении
2. Его первое видение
3. В тисках нищеты
4. Безжалостно избитый
5. Случайное ранение ружейным выстрелом
6. Сокрушительный удар
7. Бегство в пустыню
8. Сопровождаемый знамением
9. Его последний шанс
10. Первое испытание на веру
11. Предопределённый к сверхъестественному Евангелию

Пояснения автора

Предметный указатель

КНИГА ВТОРАЯ: МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК И ЕГО ОТЧАЯНИЕ

От автора

Краткое изложение книги первой

12. “Вися в воздухе...”
13. Таинственная звезда появляется вновь
14. Видение о будущей скинии
15. Застенчивое предложение
16. Летучая мышь из преисподней
17. Брак, сулящий надежду
18. Ошибка по возвращении из Мишаваки
19. Опускается чёрный занавес

20. Бедственное наводнение
21. Гибель Хоуп
22. Коварнейший момент в его жизни
23. Постепенно оправляется от горя
24. Искривлённые ноги выпрямляются
25. Чудо в М-и-и-и-ллтауне.
26. Заблудился на горе Ураган
27. Бык-убийца
28. Ангел и пещера
29. Знамение в его руке
30. Узники выведены из заключения

Пояснения автора

Предметный указатель

КНИГА ТРЕТЬЯ: МУЖ БОЖИЙ И ЕГО ПОРУЧЕНИЕ

От автора

Краткое изложение книги второй

31. Необычный сон слепого человека
32. Вызов, брошенный безумию
33. Восьмидневная молитвенная очередь
34. Шок по возвращении домой
35. Отказ от чека в полтора миллиона долларов
36. Вера апачей
37. Упрёк Ангела
38. Чудотворная очередь
39. Скалистые горы штата Колорадо
40. Величайшее испытание
41. Знакомство с Босвортом
42. Разбит и восстановлен
43. Появление второго знамения
44. Осознание своего служения
45. Феноменальные явления в Форт-Уэйне
46. Ангел сфотографирован в Хьюстоне
47. Отчаянный полёт “соловья”
48. Мальчик воскрешён согласно видению
49. Друзья и недруги
50. Прачка задерживает самолёт
51. Объяснение видений
52. Орёл у реки Беспокойной

Пояснения автора

Литература и источники информации

Предметный указатель

Информация о последующих книгах

От автора

КОГДА Я НАЧАЛ РАБОТУ над этим проектом, первый трудный вопрос, с которым я столкнулся, был таковым: “Какой же мне выбрать подход к изложению темы, имеющей столь мало предшественников?” Большая часть жизни Уилльяма Бранхама выходит так далеко за пределы заурядных человеческих переживаний, что сложно описать её в ограниченном объёме книги должным образом. В моём подходе имеются как преимущества, так и ограничения. Ими я хочу поделиться с вами в самом начале.

Перед тем, как взяться за работу, каждый биограф должен принять ряд определённых решений. В тематическом или хронологическом порядке развивать сюжет книги? Внимание каких читателей он намерен привлечь? На каком уровне понимания ему следует писать? Какого объёма должна быть книга? Какие события ему следует включить в неё, и какие подробности описывать по каждому отдельному случаю? Следует ли ему подвергать собранный материал глубокому анализу, или он должен описывать события без каких бы то ни было комментариев? Этому списку не видно конца и края...

Я построил сюжет этой биографии в хронологическом порядке, полагая, что у читателей сложится лучшее представление о жизни Уилльяма Бранхама, если они будут наблюдать за постепенным развёртыванием событий. Многие биографы бывают “вездесущими” в своих книгах, анализируя и объясняя будущую значимость описываемых событий. Я решил не делать этого. Значение каждого события в повествовании хранится в тайне до тех пор, пока Уилльям Бранхам сам не осознаёт его значимость. Это предоставляет читателям возможность проследить за его жизнью таким образом, как прожил её он; понять развитие его характера и оценить его отчаянную борьбу в попытке постигнуть смысл своей необычной жизни.

Поскольку биография Уилльяма Бранхама была издана уже несколько раз, это описание я счёл нужным сделать более обширным и подробным. Мне хотелось сосредоточить внимание на событиях, насыщенных сверхъестественными переживаниями с целью свести анализ происходящего до минимума. В результате получилась очень захватывающая книга. Будь Вы ученик седьмого класса или профессор университета, я думаю, при чтении Вы едва ли будете успевать перелистывать страницы.

Но у этого достоинства книги есть и слабая сторона. Поскольку описание этой биографии идёт плавно и динамично, подобно захватывающему роману, некоторые читатели могут столкнуться с искушением принять её за художественный вымысел. Это будет их ошибкой. Многие из повествований документально подтверждены. В своём исследовании я использовал статьи из газет и журналов, книги, фотографии, фильмы и свидетельства людей, которые лично были знакомы с Уилльямом Бранхамом и явились очевидцами отдельных сверхъестественных явлений, описываемых в этой биографии.

Однако больше всего информации я почерпнул из личного свидетельства Уилльяма Бранхама: свыше 1100 его проповедей в течение девятнадцати лет служения в стране и за рубежом были записаны на плёнку. В большинстве из них он рассказывал о своих сверхъестественных переживаниях и неоднократно говорил о событиях, которые только что произошли с ним, описывая их подробно, включая также и диалоги. (Подробнее об этом в “Пояснениях автора” в конце книги.) Часто Уилльям Бранхам говорил и о том, *что он сам думал*, когда происходили эти события. (Мечта биографа сбылась!) Обилие таких подробных и достоверных источников информации создало благоприятную почву для того, чтобы биография была написана так захватывающе. Я считаю, что достоинством этого подхода является и тот факт, что у этого повествования нет внешнего лоска, лоска научности. Моя цель написания этой книги заключается в том, чтобы Вы, прочитав эту биографию, лучше познакомились с одним из самых выдающихся людей нашего поколения и величайшим из мужей всех времён и эпох.

Оуэн Джоргенсен, 1994 г.

КНИГА ПЕРВАЯ:

МАЛЬЧИК И ЕГО ЛИШЕНИЯ

(1909 — 1932)

Бревенчатая избушка недалеко от Берксвилла, штат Кентукки, где 6 апреля 1909 года родился Уильям Бранхам.

Глава 1

ТАИНСТВЕННОЕ ЗНАМЕНИЕ ПРИ РОЖДЕНИИ 1909 — 1912

БЫЛ АПРЕЛЬ 1909 года.

“...Рожать в пятнадцать лет не слишком-то и рано, — бормотала Элла Бранхам себе под нос, стараясь подбодрить себя. — Ещё бы, ведь я готова не хуже, чем...”

Боль снова пронзила её — на этот раз сильнее и намного внушительнее, чем раньше. Элла почувствовала, как с нарастающей болью стала усиливаться паника. Она держалась за свой вздутый живот и стонала: “Только не сейчас. Умоляю, не сейчас. Нет, пока Чарльз не придёт домой”.

Капли пота выступили у неё на лбу. Шатаясь, она подошла по земляному полу к единственному окну избушки, проделанному посередине грубо обтёсанной двери. В окне не было стекла, в нём был только деревянный ставень, который Элла оставляла открытым днём и закрывала на ночь. Теперь он был открыт.

“Ча-а-а-арльз!” — закричала она. Её голос как будто исчезал в лесной кентуккийской глуши, где обширные просторы холмов и ложбин

тянулись во все стороны. Эллу охватило чувство отчаянного одиночества, поскольку она знала, что её ближайший сосед жил на расстоянии множества миль от неё. Боль полностью сжала ей живот, вводя её в панику. “Чарльз! — снова закричала она. — Чарльз, где же ты?” Затем её голос перешёл в слабое всхлипывание: “Пожалуйста, приди домой. Ты мне так нужен”.

В то утро Чарльз Бранхам получил свою зарплату на лесозаготовках и отправился в город — в Берксвилл, штат Кентукки — купить себе новый комбинезон. “Это в честь моего первого ребёнка”, — говорил он. Но что же задерживало его так долго? Уж не завлёк ли его кто-нибудь у таверны? Если так, то это было бы уже не в первый раз за год их совместной жизни. Но, конечно же, сегодня Чарльз не вздумал бы сделать такое. Он знал, что их ребёнок может появиться на свет в любую минуту.

Схватки стихли, но её организм был сильно истощён. Элла тяжело оперлась о расщепившийся косяк двери, наблюдая, как за клёнами и дубами, на которых уже начали распускаться почки, садится солнце. Закрывая ставень, Элла вздрогнула.

Единственным источником света в избушке теперь было заходящее солнце, свет которого просачивался вовнутрь сквозь щели грубо отёсанных брёвен. Сходившиеся в пучок лучи света медленно двигались по столу и скамейке — самодельной мебели, сделанной из отпиленного пня, с деревянными колышками вместо ножек. В единственной комнате, длиной в три с половиной метра, была ещё старомодная кровать, прибитая гвоздями к одной из стен. Элла, шатаясь, подошла к кровати и от слабости упала на соломенный матрац, пытаясь натянуть одеяло к подбородку. Подушка, набитая кукурузной мякиной, шуршала при каждом движении головы. По мере того, как комнату наполняла глубокая тьма, Элла погружалась в воспоминания о своём прежнем доме в Парисе, штат Техас, из которого ей совсем недавно так хотелось убежать. То, что в прошлом году казалось ей невыносимым, сейчас, в этом положении, выглядело не так уж и плохо.

В Техасе она росла как Элла Харви. Её отец был школьным учителем и охотником-звероловом, ставившим капканы. Мать её была полнокровной индианкой из племени чероки. У Эллы, старшей из четырёх детей, было прекрасное беззаботное детство до того времени, пока её мать не умерла от красной лихорадки. Это произошло три года назад. Элле, в ту пору, исполнилось двенадцать лет, а её младшему брату было всего лишь четыре года. Материнские хлопоты тяжёлой ношей легли на её плечи.

Спустя чуть больше года, на состязании ковбоев, Элла встретила Чарльза Бранхама. Чарльз был невысоким и статным, с чёрными кудрявыми волосами, широкими плечами. Он был наделён ковбойским мастерством и мог состязаться с любым полудиким жеребцом. Элла была очарована. Чарльзу было восемнадцать, ей четырнадцать, но выглядела она намного старше. В это время брак казался удобным случаем избавиться от

нудной заботы об её младших братьях и сёстрах. Но теперь её волновало, уж не выскочила ли она всего-навсего из огня да в полымя. Здесь, на холмах Кентукки, в 64 километрах от ближайшего доктора, она, пятнадцатилетняя девочка, была чужой; у неё не было ни друзей, ни знакомых — никого, кто бы мог ей помочь. Уткнув голову в подушку, Элла зарыдала.

ЧАРЛЬЗ БРАНХАМ вернулся в избушку спустя час после наступления темноты. Конечно же, он выпил, но не до потери рассудка. Он тихонько приоткрыл дверь, чтобы не нарушить покой своей молодой жены, на случай, если она спала, но он услышал её стон. Чарльз быстро зажёг пучок смолистых сосновых веток и прикрепил его к крышке банки из-под фруктов. Сосновый пучок горел тусклым мерцающим огнём, потрескивая и выпуская клубы дыма. Избушка проветривалась естественным образом: дым, поднимаясь вверх и минуя балки, просачивался сквозь щели в клинообразной кровельной дранке над головой.

— Чарльз, — еле слышно прошептала Элла, — настала та ночь. Иди, приведи свою маму.

Чарльз развёл огонь и затем поспешно направился к избушке своей матери. Ночь была холодной и ясной. Свет, излучаемый звёздами, помогал ему не сбиться с дороги. Спустя час, он вернулся вместе с матерью и двумя соседками.

Бабушка Бранхам была резкой старушкой, жёсткой, как свиная корка. Но при виде пятнадцатилетней девочки, мучившейся в родовых схватках, её сердце смягчилось, подобно тому, как горячий енотовый жир смягчает кожу сапог. (Речь не о том, что бабушка Бранхам когда-нибудь носила сапоги. У неё, за всю жизнь, не было и пары ботинок.) Теперь она взяла ситуацию под свой контроль. Воспитав своих семнадцать детей, она была хорошо подготовлена как повивальная бабка для очередной невестки. Чарльз не стал спорить, когда она потребовала, чтобы он ждал снаружи. Взяв одеяло, он заполз под навес, пристроенный к одной из стен избушки, и улёгся на древесных опилках и кусках коры. Достав из кармана фляжку с виски, Чарльз, для успокоения нервов, начал натирать её до блеска. Прошло немного времени, и он уснул мёртвым сном.

С приближением рассвета волнение в избушке усилилось, напряжение нарастало. Чарльз проснулся, когда на востоке уже занималась заря, но солнце ещё не поднялось над горизонтом. Он обозлился на себя, что задремал, затем начал волноваться — ведь ребёнок ещё не появился на свет. “Может, что-то неладно? Может, мне войти и всё проверить?” Но не успел он собраться с мыслями, как услышал пронзительный крик новорождённого. Дверь избушки распахнулась настежь, и одна из соседок окликнула его: “Чарльз Бранхам, у тебя мальчик!”

Робко, волоча ноги, Чарльз вошёл внутрь и закрыл за собой дверь. От сальной свечи, стоявшей на столе, комната пропахла дымом. Бабушка Бранхам закончила омывать ребёнка. Взвесив, установила его вес в пять фунтов¹ и нежно положила его в руки матери. Чарльз стоял у кровати, засунув руки в нагрудник своего нового комбинезона, и нервно наблюдал за этим подвижным, голосистым и, одновременно, крохотным созданием, которое было его сыном.

— Чарльз, у него твои голубые глаза, — сказала Элла.

Чарльз стал рассматривать эти глазки, но при тусклом свете он не мог различить их цвет.

— Мы дадим ему первое имя Уилльям, — сказал он, — а второе имя будет Маррион.

— Уилльям...Маррион...Бранхам, — проговорила Элла. — Звучит довольно-таки членораздельно и ясно. К тому же, его можно звать Билли. Чарльз, я думаю, что у Билли будут и твои кудрявые волосы. Открой-ка ставень, чтобы я могла получше его рассмотреть.

Это был вторник, 6 апреля 1909 года. Раннее утро, всего несколько минут шестого. Хотя солнце ещё не взошло, свет наступающего дня робко пробивался сквозь щели в брёвнах. Чарльз открыл ставень и, вздрогнув, отпрянул назад. Нечто молнией пронеслось через открытое окно вовнутрь. Это был венчик света, подобный звезде, диаметром около фута².

Элла вскрикнула и крепко прижала своего сына к груди. Остальные же, в полном недоумении, попятились назад к стене. Станный свет облетел комнату несколько раз, затем остановился над кроватью, зависнув над молодой матерью и ребёнком, светясь и переливаясь желтовато-зелёным сиянием. Он находился в таком положении чуть меньше минуты — не больше — однако, этого было достаточно, чтобы все, присутствовавшие в избушке, убедились в том, что они на самом деле его видели. Потом, так же быстро как и влетел, огненный шар покинул их, вылетев вихрем через крышу, минуя балки и стропила.

Чарльз усталился на кровельную дранку большими “стеклянными” глазами. Вдруг он услышал хлопанье крыльев и обратил внимание на дверь, где на ставень раскрытого окна сел голубь. Белоснежный голубок с любопытством осматривал комнату, словно чего-то искал. Когда он заметил новорождённого, он вздёрнул свою головку, заворковал и вскоре улетел. Чарльз пару мгновений провожал взглядом ту птицу, а затем, подняв глаза, стал смотреть вверх на крышу.

Одна из соседок пробормотала: “Ну, я никогда...”

Другая стала размышлять: “Интересно мне знать, кем же будет этот мальчик?”

---

¹ 2 кг 270г (Пер.)

² 30 см (Пер.)

Билли Бранхаму было всего лишь пятнадцать минут отроду.

ВЕСТЬ о “том дитяти на холме, родившемся со светом над головой”, быстро разнеслась среди горных жителей. Некоторые пропустили эти слова мимо ушей, приняв это за солнечный свет, отразившийся в зеркале. Чарльз же и Элла знали, что это не так, ведь в их избушке не было никакого зеркала. К тому же, солнце тогда ещё не взошло. Они были озадачены: было ли духовное значение в том свете? Чарльз хотел забыть об этом, но Элла не давала ему покоя. Она настаивала на том, что “нужно что-то делать” и решила, наконец, что их ребёнка следует нести в церковь и посвятить Богу. На первых порах Чарльз оспаривал эту идею, но, в конце концов, согласился, хотя эта уступка шла вразрез с его характером. Теперь вопрос был поставлен по-другому: куда же им его нести?

Происхождение Чарльза Бранхама было строго ирландско-католическим. Родословная Эллы по линии Харви также шла от ирландских католиков, за исключением её матери, принадлежавшей к племени чероки. Однако, ни у Чарльза, ни у Эллы не было собственных религиозных убеждений — их полностью отнесло от их католических корней. И они пришли к согласию: для осуществления их цели лучшей церковью будет ближайшая церковь.

Итак, когда Билли Бранхаму исполнилось две недели, Чарльз и Элла запеленали его и понесли в баптистскую церковь под названием Царство Опоссумов³. В простом бревенчатом здании с земляным полом и скамьями из досок, положенных на перевёрнутые деревянные колоды, каждое воскресенье собиралось небольшое собрание. У этой церкви не было постоянного пастора. В большинстве случаев, по воскресеньям на собрании пели песни и читали из Библии. Но каждые два месяца окружной проповедник приезжал и проповедовал. В тот день пожилой проповедник был там. Он вознёс молитву над маленьким Уилльямом Маррионом Бранхамом, попросив Бога, чтобы когда-нибудь Он стал использовать этого мальчика в Его служении. Это был единственный раз, в течение двадцати трёх лет, когда Билли Бранхам побывал в церковном здании.

РАБОТА НА ЛЕСОЗАГОТОВКАХ часто вынуждала Чарльза на неделю отлучаться от жены и сына. В октябре 1909 года снежная буря заставила его перебраться в лесозаготовочный посёлок вдали от дома. Элла, на четвёртом месяце беременности со вторым ребёнком, начала беспокоиться, поскольку её пищевые запасы были на исходе. Когда же кончились дрова, она обернула ноги в мучные мешки и, увязая по пояс в сугробах, стала протаптывать себе дорогу в лес, чтобы нарубить молодых

---

³ Церковь, возможно, была так названа потому, что в этой местности есть много опоссумов — небольших животных из отряда сумчатых. (Пер.)

деревьев и сухих сучьев. Затем она тащила их в избушку, изо всех сил пытаясь поддержать огонь. Но когда пища иссякла, Элла впала в отчаяние. Огонь погас, осталась только зола. Элла же была слишком слаба, чтобы ещё раз сходить в лес за дровами. Собрав в избушке каждый лоскуток одежды, она как можно лучше закутала себя и сына, заползла на кровать и натянула одеяло на себя и на него. Снаружи неистово выл ветер. Комнату настолько выстудило, что в ведре замёрзла вода. Элла устремила взгляд вверх на балки и вновь стала размышлять о том странном свете, который явился при рождении её сына. Она часто думала о нём за прошедшие шесть месяцев. Иногда ей казалось, что это было знамением того, что Билли был предназначен к чему-то великому. Теперь же это выглядело бессмысленным, поскольку им обоим в лицо дышала смерть.

Её ближайшим соседом был старичок, живший по другую сторону долины. Когда снежная буря стихла, сосед вышел на улицу, чтобы выполнить кое-какую работу и осмотреться. Он увидел только крышу избушки Бранхамов, заметив, что из трубы не поднимается дым. В то время он не придал этому большого значения. Лишь спустя несколько дней, его охватило беспокойство. Он знал, что до начала пурги из избушки дым поднимался, а покинуть избушку во время снежной бури никто не мог. Сметнув, что могло произойти что-то неладное, он решил всё выяснить. Пробравшись к избушке, он заметил, что на свежевывавшем снегу не было следов. Это подтвердило его опасение. Он постучал в дверь, но не получил никакого ответа. Нажав на ручку, он обнаружил, что она была заперта изнутри. Теперь-то он знал, что кто-то наверняка там есть, кто-то в ужасной беде, иначе бы они отозвались. С огромным усилием ему удалось открыть дверь. То, что он увидел, зайдя внутрь, заставило его вздрогнуть.

Элла и её младенец лежали на кровати, свернувшись калачиком, еле живые от холода и голода. Сосед, тотчас же взяв топор Эллы, отправился в лес и принёс достаточно дров, чтобы разогреть избушку. Не найдя еды, он вернулся в свой дом и принёс столько съестных припасов, сколько мог унести в руках. Не было смысла вызывать доктора: старичок сам принялся ухаживать за молодой матерью и ребёнком. К тому времени, когда Чарльз пробрался сквозь сугробы к своей избушке, его жена и сын уже начали поправляться, и их силы восстанавливались.

Оставшуюся часть зимы Чарльз провёл вблизи дома, охотясь и ставя капканы, чтобы поддерживать кладовую полной. Весной, когда лёд сошёл, он снова отправился на лесозаготовки. Чарльз запрягал вола, привязывал к нему брёвна и по одному тащил их вниз к реке Камберленд, где лесорубы связывали их в плот и сплавляли сначала по реке Огайо, а потом Миссисипи.

В МАРТЕ 1910 ГОДА у Чарльза и Эллы появился второй ребёнок — Эдвард. А спустя пару месяцев Элла почувствовала, как ещё один

ребёнок стал расти в её утробе. В начале 1911 года, в возрасте семнадцати лет, она родила третьего ребёнка. Это был очередной мальчик. Элла дала ему имя Генри. Всю весну, лето и осень 1911 года Чарльз проработал на лесозаготовках. Затем снова стряслась беда, которая оторвала Чарльза от семьи и едва не погубила его.

Будучи самым младшим из семнадцати детей, Чарльз Бранхам рос в атмосфере грубости и невежества. Когда он был совсем ещё ребёнком, он научился держать в руках виски и любой спор привык решать кулаками. Осенью 1911 года Чарльз присутствовал на одной из гулянок, где при лунном свете внезапно разгорелся скандал, который, вскоре, перерос в необузданную дикуую драку, вовлекая всех находившихся в комнате. Один здоровенный мужик по имени Уилли Ярброу повалил на пол друга Чарльза, вскочил на него, выхватил нож и уже собирался вонзить ему в сердце, но в это время Чарльз сильно огрел Уилли стулом по голове. Отпрянув назад, Чарльз обнажил лезвие своего ножа. Уилли уже не было никакого дела до лежащего на полу, и он пошёл на Чарльза. Он был безжалостным человеком — убил своего собственного сына колом от забора — и полосонул бы Чарльза по горлу, если бы такая возможность представилась ему. Однако нож Чарльза воткнулся первым. Уилли распластался в луже крови, потеряв сознание, но всё же остался в живых.

Когда слух об этой кровавой драке дошёл до Берксвилла, штат Кентукки, Чарльза объявили одним из зачинщиков драки и стали подозревать в попытке совершить преднамеренное убийство. Шериф отправился верхом на лошади арестовать Чарльза Бранхама. Однако, прежде чем шерифу удалось его отыскать, Чарльз, почувствовав опасность и не зная что делать, поспешно скрылся. Перед уходом он пообещал Элле, что пойдёт за ней, как только найдёт работу и место для жилья; чтоб его не выследили — подпишется вымышленным именем.

Итак, однажды днём Чарльз исчез, оставив свою жену самостоятельно перебиваться с тремя детишками в лесной глуши. Билли было два с половиной года, Эдварду полтора, а Генри — едва исполнилось шесть месяцев. Элла в свои семнадцать лет сама была почти ребёнком. Несколько недель спустя она осознала, что Чарльз оставил ей часть себя. Она снова забеременела.

Зима и осень того года измотали Эллу до предела. Казалось, будто она живёт в каком-то кошмаре: в глуши, в заброшенной избушке, оставшись без денег и средств к существованию, ухаживая за малышами и теряя последние силы от непрекращающегося токсикоза. Элла знала, что если бы не помощь со стороны родственников Чарльза — хотя бедных, как и она — ей бы не выжить.

Прошло полгода. Весна сменила зиму, земля оттаяла. Наконец, и жизнь Эллы вошла в обычное русло: прекратилась тошнота, а ребёнок в её утробе, ворочаясь и двигаясь, приближался к появлению на свет. Билли

исполнилось три, Эдварду — два, а Генри отпраздновал свой первый день рождения.

В один из этих весенних дней 1912 года около их избушки остановился шериф, чтобы узнать, не слышала ли Элла что-либо о своём муже. Она смело могла сказать ему правду, ибо, действительно, не имела ни малейшего представления, где тот находится, и не получала от своего мужа никакой весточки.

Спустя пару дней после приезда шерифа, Билли и Эдвард играли позади избушки, где небольшой родничок, разливаясь, превращал землю в грязное болото. Билли хотел показать своему младшему братишке, какой он сильный, поэтому взял самый большой камень, какой оказался ему под силу, поднял его над головой и швырнул прямо в родничок. Камень звучно хлопнулся в грязь у самого края воды, покрыв Эдварда грязью с головы до ног. Тот, разревевшись, поплёлся к избушке. В это время залилась пением малиновка. Билли стал рассматривать ветви на дереве, пока не увидел птичку. Он сделал шаг по направлению к ней, но малиновка улетела. В тот же самый миг произошло нечто настолько потрясающее, что глубоко запечатлелось в памяти Билли и стало его первым значительным воспоминанием детства. С того места, где только что сидела малиновка, раздался звук, похожий на шелест листьев: “Хш-ш-ш-ш, хш-ш-ш-ш”. Затем со стороны дерева прозвучал голос, очень ясный человеческий голос, который сказал: *“Вы будете жить недалеко от города под названием Нью-Олбани”*.

С криком ужаса Билли помчался со всех ног в избушку, пронзительно крича:

— Мама! Мама!

Элла тем временем вытирала грязь с животика Эдварда.

— Билли, что случилось? — спросила она, прижимая к себе своего старшего сына.

— Мама, мне птичка проговорила. Я слышал, как она пела на дереве, а потом она говорила со мной.

Элла рассмеялась:

— Тебе это приснилось, малыш.

Но Билли настаивал на своём:

— Мама, я слышал её. Я слышал, как она говорила.

— И что же эта птичка сказала тебе? — поддразнивала его Элла, всё ещё думая, что Билли это выдумал.

— Она сказала, что мы будем жить недалеко от города под названием Нью-Олбани.

Этот ответ поразил её. Было совсем не похоже, чтоб маленький мальчик мог выдумать такое во время игры. Она обошла избушку вокруг и прокричала по направлению леса:

— Э-э-эй! Есть тут кто-нибудь?

Когда она вернулась в избушку, Билли спросил:

— Мама, а где находится Нью-Олбани?

— Это город в Индиане через реку, прямо возле Луисвилла, штат Кентукки, около 160 километров отсюда. Билли, где ты слышал раньше, чтобы кто-нибудь говорил о Нью-Олбани?

— Я никогда не слышал о Нью-Олбани, мама, пока та птичка не сказала мне. Когда мы будем жить там, папа тоже будет жить с нами?

Элла покачала головой.

Спустя пару недель пришло долгожданное письмо от Чарльза. Элла облокотилась на пень, который служил им столом, держа дрожащими руками конверт и вглядываясь в него. Билли стоял на цыпочках, стараясь украдкой заглянуть поверх стола.

— Мама, открывай!

Элла нервно усмехнулась:

— Конечно. Мы очень долго ждали его. Зачем же ещё ждать?

Она осторожно отклеила полоску с клеем, вынула письмо из конверта, развернула его и начала читать. Поскольку её отец был школьным учителем, она получила приличное образование. Но Чарльз не умел ни читать, ни писать; не мог написать даже своего имени. Это письмо было написано одним из его братьев, живущим в Луисвилле.

— О чём в нём говорится, мама? — спросил Билли.

Она комментировала по ходу чтения.

— Здесь говорится, что твой папа находится в Индиане. Он нашёл постоянную работу и место, где мы сможем жить. Он хочет, чтобы мы сейчас же приехали. Это небольшой город под названием Ютика, около 16 километров к северо-востоку от...

Здесь она резко прервала чтение и с изумлением взглянула на своего трёхлетнего сынишку: как же это могло произойти?..

— Где это, мама? Где находится Ютика? — настаивал Билли.

Элла медленно сказала:

— Билли, мы будем жить в 16 километрах к северо-востоку от Нью-Олбани, штат Индиана.

Глава 2

ЕГО ПЕРВОЕ ВИДЕНИЕ

1912 — 1916

ЧАРЛЬЗ БРАНХАМ вложил в конверт со своим письмом достаточно денег, чтобы Элла смогла нанять повозку для переезда. Грузить ей было, практически, нечего, не считая троих сорванцов. Нью-Олбани находился более чем в 160 километрах на север от Берксвилла. Элла в

дороге очень волновалась, поскольку вот-вот должны были начаться роды. Но трёхлетнему Билли, никогда ничего не видевшему дальше своей горной избушки, эта поездка представлялась захватывающим приключением. Особое впечатление на него произвёл узкий деревянный мост, перекинутый через реку Огайо от Луисвилла, штат Кентукки, до Нью-Олбани, Индиана. Проехав ещё 16 километров на север, они прибыли в свой новый дом в маленьком городе Ютика, штат Индиана.

27 мая 1912 года Элла родила своего четвёртого сына, дав ему имя Мэлвин. Тем летом Чарльз работал у местного фермера. Это был рабский труд. Подчас он был вынужден тащить за лошадьё и пахать по двенадцать часов в день, проливая пот под палящим солнцем. Не раз он возвращался домой в припёкшейся к спине рубашке, и Элла должна была отрезать её ножницами. Когда взошла кукуруза, Чарльз проводил все дни со змеевидной мотыгой в руках, выкорчёвывая между бороздами ползучие сорняки. Поначалу его руки покрывались волдырями и кровоточили; позже на них образовались мозоли, жёсткие, как дублёная кожа. Всё это он претерпевал за 75 центов в день.

Осенью Чарльз вернулся на лесозаготовки; это у него получалось намного лучше, чем фермерство: ведь он вырос в лесу и работал на лесозаготовках с раннего возраста. Хотя рост Чарльза был метр семьдесят и весил он всего 70 килограммов, был он крепким, как клубок мышц, и зарекомендовал себя умелым лесорубом: мог в одиночку погрузить в вагон бревно весом в 400 килограммов.

Но с приближением зимы Чарльза всё больше стало охватывать беспокойство. Они вшестером жили в однокомнатной лачуге, ничуть не лучшей, чем та бревенчатая избушка, которую они покинули в штате Кентукки. Лесозаготовки подчас вынуждали его на целые недели отлучаться от семьи. Не желая, чтобы его жена страдала так, как прошлой зимой, Чарльз начал подыскивать лучшее место работы.

До наступления весны 1913 года он получил работу в Джефферсонвилле, штат Индиана, у мистера Уотена — мультимиллионера, который владел “Уотен Дистиллерис” и был совладельцем профессиональной бейсбольной команды “Луисвилл Кэнлс”. **(Фото №1)** Чарльза наняли в качестве личного извозчика, поскольку он искусно обращался с лошадьми. Работа не приносила много наличных, но она предполагала существенные преимущества, а именно: бесплатное место проживания на участке мистера Уотена. Это место состояло из двухкомнатной бревенчатой хатки, старой конюшни, большого садового участка и маленького поля, на котором Чарльз мог посадить кое-что для своей семьи. К тому же, неподалёку находилась молочная ферма мистера Уотена, и каждый вечер Чарльз мог брать домой ведро молока — немаловажная выгода для отца, у которого подрастали четыре мальчугана.

Город Джефферсонвилл находился почти в 7 километрах на северо-восток от Нью-Олбани, в сторону улицы Ривер Роуд, называемой местными жителями Ютика Пайк. Мистер Уотен жил в большом имении в 11 километрах от города. Хатка, в которую переехал Чарльз, стояла на пригорке, возвышаясь над рекой Огайо. Наружные стены постройки были покрыты досками, пострадавшими от непогоды, а внутри щели между брёвнами были залеплены глиной. Хатка состояла из двух комнатушек с земляным полом. На чердаке, под стропилами над одной из комнат, тоже можно было спать. Чердачная лестница была сделана из молодой древесины. На середину одной комнаты прикатали отпиленный пень и на него положили плоские камни. Поверх всего этого стояла дровяная печка, которая была сделана из пустой бочки от нефтепродуктов. Для приготовления пищи Элла использовала небольшую печурку, вроде “буржуйки”. В доме даже была керосиновая лампа для поддержания света, но, учитывая всё остальное — было намного лучше, чем в однокомнатной лачуге, в которой они находились в Ютике.

Перед хаткой, на склоне холма, возле небольшого родника развесила свои ветви яблоня. Большую часть лета прохладная вода родничка служила холодильником, не давая молоку, пахте⁴ и маслу, находившимся в металлических бидонах, портиться раньше времени. (Сливки Чарльз хранить там не мог: слишком много у него было маленьких Бранхамов, которые могли с жадностью их стащить.) Родничок обеспечивал дом водой до середины августа. Когда же он высыхал, они были вынуждены качать воду из колодца, расположенного внизу, возле конюшни, и нести её домой вверх по холму.

Билли любил бурлящий родничок. На гвозде, вбитом в ствол яблони, висел черпак, сделанный из тыквы, но Билли редко им пользовался. Он любил лечь на живот в тёплую траву, опустить свои губы в родничок и вдоволь напиться воды. Потом он наполнял водой кувшин и относил его своему отцу в поле.

С поля Чарльз всегда возвращался домой изголодавшийся, ожидая ужина. Поскольку в доме умывальника не было, он умывался позади хатки, где возле яблони была поставлена скамейка. Она представляла собой обычную сарайную доску, прибитую к стволу, с ножкой-доской на противоположном конце и с наклонной доской внизу, что не позволяло скамейке шататься. Все четверо мальчишек стояли цепочкой за папой, ожидая, чтобы умыться. Когда Чарльз закатывал рукава своей домотканой рубашки, чтобы намылить лицо, мышцы на его руках вздувались и перекатывались. Билли, с гордостью наблюдая за ним, размышлял: “Это

---

⁴ Пахта — обезжиренные сливки, получаемые как побочный продукт при сбивании сливочного масла. (Пер.)

мой папа. Он сильный. Он будет жить сто лет. Когда состарюсь, я буду смотреть на папу, а у него по-прежнему будут огромные мускулы”. Билли же, напротив, был худощавым и жилистым, как его мать, а от отца он унаследовал тёмные вьющиеся волосы и приятные ирландские черты лица, но не его крепкое телосложение.

Он умывался после отца. Билли с большой осторожностью взял щёлочное мыло домашнего изготовления, стараясь, чтоб оно не попало в глаза (одного урока ему было уже достаточно). Он вытерся полотенцем, сделанным матерью из мешка от кукурузной муки. Полотенце было неудобное и колючее, поэтому Билли слегка вздрагивал. Над скамейкой, где умывались, к дереву был прикреплён пятью загнутыми гвоздями осколок разбитого зеркала. Билли карабкался по скамейке, пытаясь увидеть себя, затем брал оловянный гребень, чтобы разгладить свои неподдающиеся волосы.

Чарльз соорудил из старых сарайных досок обеденный стол и скамейки, которые были похожи на церковные. За ужином Билли всегда сидел возле своего отца. Бобовый суп с вареным луком, кукурузный хлеб и пахта были обычной трапезой. Элла обычно поджаривала кукурузный хлеб на сковороде, потом выкладывала его на тарелку и посылала её по кругу, чтобы каждый мог отломить себе кусочек. Билли всегда выбирал горбушку, потому что на ней была румяная корка, которую он любил макать в свой суп.

14 МАЯ 1914 ГОДА у Билли появился ещё один брат, Эдгар Ли Бранхам. На протяжении нескольких последующих лет жизнь Билли шла спокойно. Каждую субботу, после полудня, его отец брал у мистера Уотена мула и крытую повозку, рассаживал в неё своё семейство и отправлялся за 12 километров в город, чтобы закупить съестных продуктов. Четверо младших Бранхамов прыгали на куче соломы в конце повозки, но Билли доводилось ехать вместе с отцом и матерью впереди брички. Он всегда взвинчивался, как юла, когда собирались ехать в магазин, потому что в точности знал, что там будет происходить. Чарльз, зарабатывавший три с половиной доллара в неделю, частенько расходовал три доллара из этой суммы в бакалейной лавке. Время от времени он тратился на мешок коричневого сахара или банку солёного сухого печенья; но большей частью он закупал такие основные продукты питания, как бобы, картофель и кукурузную муку — еду, которой хватало надолго. Когда Чарльз оплачивал свой счёт, мистер Гроувер, бакалейщик, давал ему кулёк мятных леденцов для его малышей.

В повозке же пять пар ненасытных глаз с нетерпением наблюдали, как папа поровну делил четыре палочки леденцов между пятью мальчишками. Четыре младших Бранхама тотчас же слизывали свои мятные леденцы по самую палочку. Билли же был хитрым: немного

полизав свой леденец, он заворачивал его в кусок коричневой бумаги, оторванной от бакалейного кулька, и засовывал к себе в карман. Позже он находил ему применение.

В субботу вечером они наполняли горячей водой большую кедровую лохань для стирки и, один за другим, не меняя воду, принимали еженедельную ванну. Элла сильно тёрла Билли щёлочным мылом, приговаривая: “Я хочу, чтоб ты был чистеньким, как облупленная луковичка”. Потом она до того тщательно вытирала его полотенцем из мешковины, что ему казалось, будто с него слезла вся кожа. Она, зная, что Билли питается недостаточно, каждую неделю, после купания, принуждала его проглатывать столовую ложку касторового масла, веря, что оно помогает предотвратить простуду. Билли, глядя на эту большую ложку, полную сального касторового масла, умолял:

— О-о, мама, пожалуйста, не заставляй меня принимать это. Меня от этого тошнит! Я просто не могу этого перенести.

— Если тебя от этого не будет тошнить, тогда это ничем тебе не поможет, — отвечала она.

Билли зажимал пальцами нос и брал ложку в рот, пытаясь проглотить её содержимое; затем он напрягался, его всего трясло, пока, наконец, ему не удавалось пропустить это внутрь.

В воскресенье Элла готовила малиган — мясную похлёбку с овощами. Репа, морковь, капуста, картофель, бобы, кукурузная мука и кусок говядины — всё вместе это варилось в горшке. Этим они питались ещё в течение двух или трёх дней.

В понедельник Элла стирала одежду в большом железном котле, нагреваемом на костре возле хатки. Билли, будучи старшим, должен был нарубить сучьев рождовых деревьев. От него также требовалось наполнить котёл водой — тяжёлая работа для мальчика его возраста и телосложения.

— Уилльям! — окликнула она его.

— Да, мадам.

— Сходи-ка к роднику и принеси ведро воды.

Билли, подумав о том, как тяжёлое кедровое ведро, наполовину наполненное водой, растягивало ему плечо, нащупал в своём кармане “тот самый” кусок мятного леденца, завёрнутого в бумагу. Затем он отыскал своего брата Эдварда и сказал:

— Горбатик, — Билли частенько называл своего брата Горбатиком, — скажу-ка тебе, что я сделаю. Я дам тебе десять раз полизать этот леденец, если принесёшь вместо меня то ведро воды.

Эдвард с радостью принёс воды. Билли вознаграждал его леденцом, который держал перед ним в протянутой руке, и начал считать:

— Раз, два, три...

Эдвард, старавшийся лизать как можно быстрее, стал жаловаться:

— Не так быстро. Ты слишком быстро считаешь. Начинай сначала.

Билли начал сначала, и Эдварду удалось лизнуть сверх положенного. Потом Билли снова завернул мятный леденец и засунул к себе в карман. В понедельник ему предстояли и другие работы по дому, но до тех пор, пока хватало его леденца, Билли был свободным пареньком.

В хатке, на гвозде за дверь, постоянно висела длинная плоская палка из орешника гикори. Элла использовала её при стирке и кипячении белья, вылавливая его ею, когда было готово. Но этот орешниковый валёк выполнял и другие функции. Элла разминала им неровности в соломенных тюфяках и разглаживала одеяла. Чарльз же использовал его в качестве исправительной палки. Подчас, когда кто-то из мальчишек плохо себя вёл и заслуживал наказания, орешниковая палка таинственным образом исчезала. Чарльзу всегда удавалось обойтись и без неё: он использовал свой старый ремень для правки бритв или же брал шомпол для ружья. Все маленькие Бранхамы получали “воспитание” в дровяном сарае, бегая что было сил вокруг своего отца, в то время как он хлестал их попки докрасна. Чарльз называл это “выбиванием беса”.

Однажды Эдвард задумал пакостный план. “Билли, — сказал он, — пока мама с папой пропалывают мотыгами сад, сходи и принеси немного сахара, а я раздобуду солёного печенья. Встречаемся в конюшне”. Для Билли это прозвучало довольно заманчиво. Элла держала коричневый сахар в хатке в ящике. Она часто смешивала его с водой, чтобы сделать им на завтрак патоку⁵ к блинам. Билли прошмыгнул в хатку, взял порядочную пригоршню сахара и направился к конюшне.

Сад находился на полпути между домом и конюшней, если спускаться по холму. Чарльз оторвался от работы с мотыгой, чтобы стереть пот со лба красно-белым клетчатым носовым платком, и заметил идущего старшего сына: рука его казалась одеревенелой, будто он что-то прятал в ней. Чарльз сказал:

— Куда это ты идёшь, Уилльям?

— Я иду в конюшню.

— А что это у тебя в руке?

Билли подумал: “Ой-ой!” — и попытался выкрутиться.

— В какой руке?

Чарльз сказал:

— А ну, пойд-ка сюда.

После этого Билли долгое время не хотелось сахара.

---

⁵ Патока — продукт, получаемый осахариванием крахмала (главным образом картофельного и маисового) разбавленными кислотами с последующим фильтрованием и увариванием сиропа. Применяется в кондитерских и консервных производствах. (Пер.)

В КОНЦЕ АВГУСТА 1916 года, когда паросиловая молотилка закончила обмолот зерновых, Элла набила все свои тюфяки свежей соломой. В тот вечер мальчики были уложены спать на чердаке. Вдруг Билли вскрикнул, словно призрак ущипнул его за щеку. Элла помчалась к лестнице и крикнула:

— Билли, что там случилось с тобой?

— Мама, со мной в постели кто-то спит!

— Это всего лишь кузнечик, застрявший в свежей соломе. Теперь успокойся и иди спать.

— Мама, я просто не могу спать, когда эта козявка всюду скачет.

Элла взяла в руку керосиновую лампу и полезла на чердак, чтобы Билли было видно, как открыть сбоку свой тюфяк и найти в соломе назойливого кузнечика. Он выпустил его на волю, просунув сквозь щель в том месте, где крыша неровно прилегала к стене.

Позже Элла хихикала, рассказывая Чарльзу эту историю. Но она не могла сказать мужу о своём глубоком беспокойстве за Билли. В последнее время мальчик был раздражительным, и у него плохо усваивалась пища. В течение прошлого месяца он не раз после ужина жаловался на расстройство желудка и отрыжку. Нервничал ли он из-за того, что скоро у него начнётся учёба в школе? Или же что-то другое не давало ему покоя? Могло ли это быть связано с пьянством отца?

В сентябре Билли и Эдвард стали вместе ходить в школу. Билли было семь с половиной лет. И хотя он был старше своего брата на одиннадцать месяцев, по росту их можно было принять за двойняшек; Эдвард был только чуточку ниже.

У Билли не было школьной одежды. Всё лето он проходил босиком и без рубашки, нося пару оборванных и залатанных спецовочных штанов. Семья не могла себе позволить приобрести новую одежду, поэтому Элла нашла выход из этого: она взяла пиджак, который Чарльз одевал в день их свадьбы, перекроила его и сшила из него пару брюк. Чарльз вернулся домой с белыми носками и парой поношенных баскеток, которые оказались Билли маловаты, — на этом его гардероб и закончился.

Когда Элла закончила наряжать его для нового события, она сказала: “Готово. Ну-ка, теперь давай посмотрим на тебя”. Она отошла назад, чтобы лучше его рассмотреть. Выступающие рёбрышки делали его совсем маленьким и тощим. И он выглядел таким заморышем со своими лохматыми волосами, свисавшими по шее, в перешитых штанах и поношенных баскетках. Элла улыбнулась, зная, что сделала всё, что было в её силах из имевшегося под руками. Но, к сожалению, её старшему сыну придётся ходить в школу без рубашки.

Итак, холодным сентябрьским утром 1916 года Билли и Эдвард устало тащились по улице Ривер Роуд в школу Ютика Пайк, которая была типичным сельским однокомнатным школьным пансионатом,

расположенным среди холмов близ реки Огайо. Многие годы его учительницей была Миссис Темпл. Она обучала во всех восьми классах, занимаясь с учениками в возрасте от шести до пятнадцати лет.

В школе Билли освоил больше, чем чтение, правописание и арифметику. Внезапно его мировоззрение расширилось. Сидя в классе, он долгое время сравнивал себя с другими детьми. Разница явно бросалась в глаза. Это были обыкновенные мальчики и девочки, как и он, но большинство из них носили хорошую одежду и обувь по размеру. И у них были рубашки. На обед они кушали бутерброды, а на десерт — домашние печенья или пирожное. Билли же ел бобы, а были дни, когда он вовсе ничего не ел на обед. Он начал осознавать, что его семья была бедной.

С самого начала мальчики чуть постарше стали считать Билли чужаком. Они обзывали его “кукурузным грызуном” и дразнили, потому что он смешно разговаривал, с деревенским акцентом, типичным для горных жителей штата Кентукки. К тому же, они смеялись над тем, что он выглядел таким оборванным.

Спустя пару недель после начала учёбы несколько мальчишек решили провести послеобеденное время, рыбача на пруду за хаткой Бранхамов. Они называли его “ледяным” прудом потому, что мистер Уотен каждую зиму вырубал из него глыбы льда, хранил эти глыбы в опилках и затем использовал их летом, чтобы поддерживать холод в холодильниках на своей молочной ферме. Они позвали с собой Билли. Билли был в восторге, что эти мальчишки включили и его в свои планы. Он не только любил рыбачить, но он страстно желал быть заодно с “компанией”.

После школьных занятий Билли, сгорая от желания достать с чердака свою самодельную удочку, побежал домой. Его баскетки были ему малы и натёрли большую мозоль на его большом пальце. На уроках в школе эта мозоль постоянно беспокоила его. Каждый раз, когда он двигал ногой, боль так сильно мучила его, что он не мог сосредоточиться. Теперь же, в этом возбуждении и спешке, боли для него как будто и не существовало. Он стрелой влетел в хатку и уже поставил было ногу на лестницу, но почувствовал, как сильная рука схватила его за плечо. Отец развернул его лицом к себе.

— Билли, сегодня днём у меня есть для тебя важная работа. Я хочу, чтобы ты наносил мне воды в перегонные кубы.

Сердце и конечности Билли окаменели.

— Но папа, я собирался сегодня днём пойти порыбачить с моими друзьями.

— Ты можешь пойти порыбачить и завтра. Я намерен перегнать много кукурузного виски этой ночью, и запаздываю. У меня должно быть достаточно воды в сарае, чтобы охлаждать змеевик. Ты уже достаточно подрос для работы, и мне необходима твоя помощь. Вёдра стоят у

конюшни, возле колонки. Теперь поднимись-ка и переоденься. Я иду в сарай подготовить перегонные кубы.

Билли начал медленно подниматься по лестнице, отворачиваясь, чтобы отец не увидел его слёз.

— И запомни, — добавил Чарльз, — береги маму; об этом никому ни слова.

— Да, папа.

Хотя сухой закон был введён только в 1919 году, в некоторых штатах с 1906 года в силу вступил закон, запрещающий продажу спиртных напитков. Индиана был “сухим” штатом уже в 1916 году. Чарльз же никак не мог обойтись без своего виски. Поскольку у него не было достаточно денег, чтобы покупать его на чёрном рынке, он со своим соседом, мистером Дорнбушем, смастерил в сарае самодельный перегонный аппарат, где гнал свой домашний самогон. Продавая остатки жаждущим соседям и заработав на этом немного денег, они решили сделать второй перегонный куб. В эту ночь они собирались варить в обоих кубах, и всё должно было быть наготове.

Билли долгое время сидел на своём соломенном тюфяке, чувствуя, как мозоль на его ноге пульсировала с каждым ударом сердца. Наконец, он собрался с силами, чтобы изменить положение. С большим облегчением он стряхнул свои ботинки. Выскользнув из школьных штанов, он юркнул в свой старый комбинезон с нагрудником, который вместо матерчатых шлеек поддерживался шнурком, закреплённым на гвоздях вместо пуговиц. Гвозди легко проскальзывали сквозь петлицы в нагруднике, и когда поворачивались в сторону, то вовсе не торчали. Потом он привязал кукурузную кочерыжку под свой больной палец, чтобы не пачкать его в грязи, и поковылял вниз.

Медленно спустившись с лестницы, он направился вниз по холму к колодцу у конюшни. Два ведра из-под патоки стояли возле рукоятки колонки. Билли наполнил их до краёв. В каждом ведре было по два литра воды, и его семилетним мышцам было как раз под силу поднять их за самодельные верёвочные ручки.

Полдень был тёплым и совершенно тихим. Не было ни малейшего дуновения ветра, чтобы шевелить сухую, пожёлтевшую траву. Когда Билли начал подниматься по тропинке, он услышал смех, доносившийся со стороны “ледяного” пруда. Его друзья уже были там, рыбача и шутя, замечательно проводя время. Досада Билли прорвалась потоком слёз.

На полпути к вершине холма, рядом с садом, Билли присел отдохнуть в тени большого белого тополя. Слёзы, тёкшие по его щекам, оставляли следы на испачканном лице. Он досадовал: “Разве не ужасно? Мальчишки рыбачат там, а я должен оставаться дома и таскать воду”. И тут он услышал звук, напоминавший шелест листьев на ветру: “*Хи-ш-ш-ш-ш-ш-ш*”. Но Билли ветерка не чувствовал. Он подумал: “Что это?” — и

оглянулся по сторонам. Листья, совсем недавно начавшие засыхать, не шевелились. Нельзя было уловить и намёка на ветер. Он продолжал дуться: “Их папы не занимаются этим. Почему же я должен таскать воду в эти перегонные кубы?”

Он снова услышал шелест листьев. Встав и осмотрев ветви над головой, опять не заметил, чтобы что-нибудь двигалось. Он испустил ещё парочку жалоб, потом подхватил свои вёдра и поплёлся по тропинке, при этом, его пораненный палец оставлял на песке причудливый след. Он прошёл совсем недалеко, когда снова услышал тот звук: “*Хи-ш-ш-ш-ш-ш*” — теперь уже громче прежнего. Билли повернулся, и на этот раз он увидел это. В листе дерева кружился вихрь. В принципе, это было обычным явлением. Осенью такие завихрения были частыми. Он не раз видел, как они, кружась, проносились по полям, подхватывая сухие листья и унося их с собой. Но завихрения всегда куда-то направлялись, всегда передвигались по земле. Этот же вихрь, казалось, замер на месте. Очарованный, Билли наблюдал, как зелёные, коричневые и жёлтые листья шелестели и кружились.

Вдруг с дерева прозвучал голос — глубокий, отчётливый голос, говоривший: *“Никогда не пей, не кури и не оскверняй своего тела никаким образом. Когда повзрослеешь, для тебя будет труд”*. (Фото №2)

Билли слышал эти слова настолько отчётливо, как если бы говорил его отец; но это не был голос отца. Ему ещё никогда не доводилось слышать такой ужасный голос. Бросив свои вёдра, он, что было сил, помчался к хатке, крича во всё горло.

Элла обняла его.

— Билли, что случилось? Тебя укусила змея?

Она подумала, что, проходя мимо сада, её сын наступил на медноголового щитомордника — ядовитую змею, распространённую в той местности.

— Нет, мама, — пролепетал он, показывая пальцем на холм в сторону сада. — Там, на том дереве, сидит человек.

— Ох, Билли, Билли! Ну, проказник! Может, ты перестанешь и пойдёшь спать?

— Нет, мамочка! Там, на дереве, человек, и он сказал мне не пить и не курить.

В ответ на это Элла посмеялась. Она обняла своего сына и поцеловала в лоб, пытаясь успокоить. Но Билли впал в истерику, и его невозможно было утихомирить. Уложив мальчика в постель, Элла помчалась к ближайшему соседу, у которого был телефон, чтобы вызвать доктора. Доктор, выслушав этот рассказ, сказал: “Мальчик просто перенервничал. Это у него пройдёт”.

В тот же вечер за ужином Билли вновь рассказал свою историю: “Там, на том дереве, сидел человек, и я слышал, что он мне сказал. Я

никогда больше туда не пойду”. И он больше туда не ходил. С того дня и впредь, каждый раз направляясь в конюшню, он шёл краем сада, обходя кругом этот тополь.

СПУСТЯ ДВЕ НЕДЕЛИ Билли и Эдвард играли в шарики под яблоней возле хатки.

Внезапно Билли почувствовал странное ощущение — давление, от которого кожу покалывало, будто невидимая энергия объяла его. Он поднял глаза. Река Огайо, почему-то, казалась ближе, чем раньше. Когда Билли взглянул на неё в направлении Джефферсонвилла, пустынная местность преобразилась у него на глазах. На берегу, постепенно принимая ясные очертания, очень быстро вырос мост через реку. Этот мост был не из тех низеньких, плоских мостов, которые он переезжал, переселяясь в штат Индиана. Он был с массивным железным сводом вверху и выглядел впечатляюще. Ничего подобного Билли раньше не видал. Всмотревшись получше, он заметил людей, работавших высоко в пролёте моста. Потом он увидел, как пролёт моста сломался. В замедленном действии эти люди падали с лесов. Билли сосчитал их. Он увидел, как шестнадцать человек исчезли в мутной воде.

Уронив свой мешочек с шариками, Билли с воплем понёсся домой. Элла изо всех сил старалась успокоить его. Когда он, наконец, оправился и всё ей рассказал, она сказала:

— Билли, тебе это просто приснилось.

Билли настаивал на своём:

— Нет, мама. У меня появилось сначала странное чувство, а потом, взглянув на реку, я увидел всё прямо перед собой! Я видел это! Ой, мама, мне страшно.

Чарльз высказал своё мнение, что мальчик, как и сказал доктор, просто нервный.

Но Элле так не казалось. Она вспомнила тот день (четыре года тому назад), когда Билли пробормотал о том, что птичка сказала ему, якобы они будут жить недалеко от Нью-Олбани. Как ни странно, но это исполнилось. Мост через реку? Шестнадцать человек погибло? А что, если однажды и это произойдёт? Элла записала этот случай, размышляя: “Что ж, проживём — увидим”.

Глава 3

В ТИСКАХ НИЩЕТЫ

1916 — 1917

ШКОЛА ВО МНОГИХ ОТНОШЕНИЯХ расширила кругозор Билли. Он узнал о мире, воюющем мире, который находился за пределами Индианы и Кентукки по ту сторону зелёных холмов; узнал названия стран, о существовании которых не подозревал. Осенью 1916 года Соединённые Штаты Америки ещё сохраняли нейтралитет, но миссис Темпл (школьная учительница) держала учеников в курсе международных событий. Она рассказывала о союзе, который заключили Германия, Австрия и Венгрия против Франции, Великобритании и России и часто приносила в школу газеты, читая детям статьи об этой войне. Воображение Билли поражали статьи о солдатах-пехотинцах и главнокомандующих, о жестоких сражениях и романтических героях. Порой он проводил половину своего обеденного перерыва, рассматривая фотографии солдат, напечатанные в газете. Иногда Билли встречал солдат в центре Джефферсонвилла, и от одного лишь взгляда на их щегольское обмундирование семилетний мальчик загорался желанием тоже стать солдатом.

Ллойд Форд, школьный приятель Билли, накопил деньги, продавая летом журнал *“Следопыт”*, и приобрёл бойскаутский⁶ костюм. К огромной зависти Билли, Ллойд часто носил его в школе. Этот костюм с эмблемой на груди и лычками звания на рукаве, с военной фуражкой и лампасами по бокам брюк — был тем, что больше всего хотелось иметь Билли. Ему казалось, если бы довелось носить такую форму, он ощущал бы себя очень важным.

Однажды, набравшись смелости, Билли попросил:

— Ллойд, когда твой бойскаутский костюм сносится, отдашь его мне?

— Конечно, Билли. Я отдам его тебе, — ответил Ллойд.

К концу октября похолодало. Каждое утро мороз устилал поля снегом, который изредка таял к десяти часам. Билли дрожал, пробегая всё ещё без рубашки по улице Ютика Пайк до школы. Если он приходил в школу немного раньше, то до начала уроков мог согреть свою “гусиную кожу” возле чугунной печки, протапливавшейся углём. Миссис Уотен, жена начальника Чарльза, однажды увидев, как Билли бежал в школу с голой грудью, дала ему поношенную куртку с нашивкой на рукаве в виде орла. По уши влюблённый в эту роскошную вещь, Билли носил куртку постоянно: работал ли, играл ли во дворе возле своей хатки. В школе он

---

⁶ Скаутизм/скауты (от англ. scout — разведчик) — система внешкольного воспитания молодых граждан 7-21 г. путём познания природы, ремесла и игры; основан в начале XX века в Великобритании полковником Р. Баден-Поуэллом (Baden-Powell, 1857-1941). Организации делятся на бойскаутские (мальчики) и гёрлскаутские (девочки). (Пер.)

застёгивал свою куртку по самый воротник, чтобы никто из детей не увидел, что у него под ней нет рубашки.

На чердаке, где спал Билли и его младшие братья, ночью были видны звёзды, заглядывавшие через кровельную дранку. Когда начинал идти снег, Элла накрывала своих мальчиков брезентом, чтобы они не промокли за время сна. Утром брезент бывал устлан снегом.

Мальчики ещё спали, а у Эллы уже был готов завтрак: горячие лепёшки и патока из сорго⁷. Однажды утром она подошла к лестнице и позвала:

— Билли! Спускайся с Эдвардом завтракать.

Билли ответил:

— Мама, я ничего не вижу! Мне что-то попало в глаза.

Глаза воспалились от сквозняка, носившегося всю ночь напролёт по холодному чердаку.

Элла сказала:

— У тебя гной в глазах. Подожди минутку, я принесу топлёное сало енота.

Элла втирала тёплый енотовый жир в веки мальчиков до тех пор, пока они не смогли открыть глаза. Топлёное сало енота было в семье лекарством от всех болезней. Элла давала его своим детям со скипидарным и минеральным маслом при сильной простуде. Они проглатывали его, чтобы вылечиться от ангины. И всякий раз, когда Чарльз убивал енота, он обрезал с мяса сало, а Элла перетапливала его, запасая в банки.

Билли с Эдвардом ходили в школу и в снегопад: иногда идя по колее, оставленной повозкой, а подчас пробираясь сквозь сугробы. Они приходили в школу, промокшие до колен. К счастью, их мокрые ботинки и штаны к обеду высыхали.

Мальчики всегда носили свой обед в двухлитровом ведёрке из-под патоки. В ведёрко мать клала одну баночку с зелёными овощами, другую банку — полную бобов, два куска кукурузного хлеба, оставшегося от завтрака, и две ложки. Билли чувствовал запах свежее испечённого хлеба, исходивший из обеденных свёртков других детей, — так он вкусно пах. Теперь он знал, что дети кушали на обед бутерброды и печенье, и стеснялся, что они увидят его скромные бобы и кукурузный хлеб. Поэтому, они с Эдвардом спускались к реке, садились на бревно и, расставив банки, втихомолку кушали свой обед. Билли первый доставал ложкой бобы, затем

---

⁷ Сорго — крупный южный злак с метельчатым соцветием, употребляемый в пищу, для корма и для технических нужд. Около 50 видов, в Африке, Азии, Америке, Австралии, на юге Европы. (Пер.)

Эдвард совал туда свою ложку, потом снова Билли; и так по очереди, следя за тем, чтобы банки опустошались равномерно.

Незадолго до наступления Рождества 1916 года, миссис Темпл поручила своим ученикам нарезать полоски из красной, белой и синей бумаги, сделать из них гирлянды и отнести их домой, чтобы повесить на новогодние ёлки. Чарльз до этого никогда не приносил в хатку новогоднюю ёлку, но когда Элла увидела украшения своих сыновей, она решила на этот раз устроить всё по-другому: взяла топор, пошла в лес и принесла домой небольшой развесистый кедр. Элла обвила его ветки двумя бумажными гирляндами, но деревце всё равно выглядело “голым”. Этим летом Чарльз вырастил в саду немного кукурузы, и Элла подумала, что самое подходящее время её использовать. Она поджарила её в закрытом котелке, встряхивая его над открытым огнём. С помощью иголки она нанизала воздушную кукурузу на нитку, и из неё получилась длинная гирлянда. Затем она обвила ею кедр, и он стал похож на новогоднюю ёлку. Это вполне её устроило.

После украшения ёлки у Эллы осталось немного воздушной кукурузы, она положила её в двухлитровое ведёрко из-под патоки и отдала её Билли с Эдвардом на обед в школу. Мальчики поставили своё ведёрко с обедом на полку в раздевалке, где другие ребята вешали пальто. (Билли, по-прежнему, носил свою куртку, не снимая даже в классе.) Около десяти часов утра Билли вспомнил о кукурузе, и его мысли начали блуждать: “Интересно, какова она на вкус? Что, если попробовать пригоршню кукурузы до обеда?” — думал он. Итак, он поднял руку и спросил у миссис Темпл, можно ли ему выйти в туалет (находившийся на улице). Она сказала, что можно. Проходя через раздевалку, Билли снял с ведёрка крышку, прихватил порядочную пригоршню воздушной кукурузы и положил крышку на прежнее место. Он вышел на улицу, встал за кирпичной трубой и съел ту кукурузу, смакуя каждый лакомый кусочек. Перед входом в школу он тщательно вытер руки и лицо, чтобы не осталось никаких следов, которые могли уличить его в “мошенничестве”.

В обеденное время Билли с Эдвардом спустились к реке, чтобы покушать на бревне. Сначала им обоим захотелось пожевать воздушной кукурузы. Когда открыли крышку — обнаружилось, что третья часть кукурузы исчезла. Эдвард взглянул на Билли с невинным удивлением и сказал:

— Смотри-ка, кукуруза куда-то девалась.

Билли постарался удивиться не меньше своего брата.

— Да-а, точно, она куда-то девалась.

Эдвард так ничего и не заподозрил.

В канун Рождества мальчики вывесили свои чулки. Утром каждый у себя в носке обнаружил по апельсину и по три конфеты. Билли подумал: “О-о, какой хороший этот Дед Мороз, который пришёл и принёс мне это!”

Он съел свой апельсин на Рождество, а корки высушил и носил в кармане своей куртки несколько недель, посасывая их вместо конфет.

После рождественских каникул, в январе 1917 года, заметив, что Ллойд Форд уже не надевает свой бойскаутский костюм, Билли спросил:

— Ллойд, а как насчёт того бойскаутского костюма?

Ллойд сказал:

— Прости, Билли. Я забыл, что ты просил его у меня. Спрошу у мамы.

На следующий день Ллойд сообщил печальную новость.

— Билли, мама взяла гимнастёрку и сделала из неё соломенный тюфяк; она использовала и штаны, чтобы заштопать папины брюки. Ничего не осталось, кроме одной краги⁸.

Не пав духом, Билли сказал:

— Тогда принеси мне крагу.

Теперь Билли был гордым владельцем одной краги от поношенного бойскаутского костюма, с лампасом на одном боку и с затягивающимся шнурком внизу. Ему так сильно хотелось носить в школу эту крагу, но он не мог придумать, как это сделать. Поэтому он засунул крагу в карман своей куртки: как только подвернётся случай её использовать, она будет наготове. Долго ждать ему не пришлось.

Ужасная снежная буря сбросила свою белую шубу на сельскую местность штата Индиана. Местами сугробы достигали высоты пяти метров. Потом пошла изморозь, образовав слой льда на деревьях и на земле. Это были прекрасные условия для катания. Ученики Ютика Пайк стали проводить свои обеденные перерывы, катаясь на санках с большого холма неподалёку от школы. У всех ребят были санки, купленные в магазине, — у всех, за исключением Билли и Эдварда. Билли вспомнил про старый таз, лежавший в грудe хлама у реки. Он принёс его, и вскоре они с Эдвардом присоединились к остальным детям на вершине холма. Усевшись в таз, Билли обвил ногами Эдварда, сидевшего впереди, и они с шумом понеслись с холма, кружась на ходу. Это доставляло им огромное удовольствие; но, в конце концов, ржавое дно таза протёрлось, и они вынуждены были искать что-то другое, что послужило бы им в качестве санок. На этот раз они применили бревно: обтёсывали его до тех пор, пока не придали передней его части форму саночных полозьев. Мороз и снег были как раз подходящими для использования бревна, и оба мальчика разогнались на своих самодельных санках до огромной скорости на самом крутом склоне холма.

---

⁸ Краги (от голл. kraag — воротник) — плотные, кожаные или матерчатые накладки с застёжками или шнурками, охватывающие икры ног и голени. (Пер.)

Однажды мальчики неудачно свалились с санок у подножия холма. Билли поднялся, его куртка была вся в снегу, а в ноге он чувствовал тупую боль. Остальные ребята столпились вокруг него, спрашивая, всё ли с ним в порядке.

— Ой, я ушиб ногу, — застонал он.

Затем у него мелькнула идея: “У меня же в кармане есть крага от бойскаутского костюма. Из неё получится отличная повязка”. Достав из кармана крагу, он просунул её через свою баскетку и натянул на больную ногу, перевязав шнурком. Как раз в тот момент прозвенел школьный звонок, созывая их назад в класс.

В этот день миссис Темпл попросила Билли выйти к доске. Он встал боком и решал свою задачу, надеясь, что ученики не заметят, что “бойскаутский костюм” был у него только на одной ноге. Но все, конечно же, заметили это. Сдержанное хихиканье вскоре перешло в громкий хохот. Билли заплакал, и миссис Темпл отпустила его домой пораньше.

В апреле миссис Темпл принесла в школу луйсвилльскую газету, заголовок которой гласил: “СОЕДИНЁННЫЕ ШТАТЫ ОБЪЯВЛЯЮТ ВОЙНУ ГЕРМАНИИ”. Она прочитала вслух эту статью, объясняя, что 18 марта 1917 года немецкие подводные лодки потопили три американских торговых судна, что заставило президента Вудро Вильсона положить конец нейтралитету Америки. Соединённые Штаты Америки вступили в войну.

В школьном дворе на дубах распускались почки. Дни становились значительно теплее. Весь день Билли сидел в классе в своей тяжёлой зимней куртке и обливался потом. Его пальцы торчали из дырок на носках баскеток.

Однажды миссис Темпл заметила, что ученики, сидевшие в конце класса, строили насмешливые гримасы и зажимали пальцами нос, как будто что-то воняло. Она не знала, было ли это связано с юным Уилльямом Бранхамом, но почему же этот мальчик так упорно носит свою куртку в такие жаркие дни? Она сказала:

— Уилльям, сними ты эту куртку! Неужели тебе не жарко?

Сердце Билли, казалось, замерло. Он не мог снять куртку — ведь под ней не было рубашки!

— Нет, мадам, мне зябко.

— Тебе холодно в такой жаркий день? — удивилась она.

— Да, мадам.

— Тогда лучше подойди сюда и погрейся у огня.

Билли хранил свою тайну всю зиму; не думал он выдавать её и на этот раз. С большой неохотой он отнёс свой стул к выпуклой печке, а миссис Темпл подбросила в неё ещё один совок угля. Пот стал каплями выступать на лбу Билли, а затем начал стекать по лицу.

Миссис Темпл спросила:

— Уилльям, тебе по-прежнему холодно?

— Да, мадам.

Она покачала головой.

— Ты, наверно, заболел. Иди-ка ты лучше домой.

Билли несколько дней оставался дома, не зная, где раздобыть рубашку, чтобы можно было снова пойти в школу. Его тётя — сестра отца — жила за холмом, недалеко от их хатки. У неё была дочь, почти ровесница Билли. Незадолго до этого, придя в гости, его двоюродная сестрёнка оставила своё платье. Хотя на нём была волнистая отделочная тесьма спереди и сзади, Билли решил сделать из этого платья рубашку. Он отрезал большую часть юбки, а оставшуюся часть заправил в штаны. Посмотрев на себя в разбитое зеркало, прибитое к стволу яблони, кивнул головой и одобрительно щёлкнул пальцами.

Когда же школьники заметили волнистую отделочную тесьму у него на груди, они стали поддразнивать его:

— Это же платье для девочек.

— Нет, неправда, — Билли настаивал на своём, — это мой индейский костюм!

Они ещё больше смеялись, услышав такое, и беспощадно продолжали:

— Билли Бранхам носит девчоночье платье. Вот так неженка!

Несмотря на их насмешки, Билли носил эту рубашку каждый день, пока школа не закрылась на летние каникулы. Другого выхода у него не было — это была его единственная рубашка.

Глава 4

БЕЗЖАЛОСТНО ИЗБИТЫЙ

1922 — 1923

5 МАЯ 1923 ГОДА Элла Бранхам родила восьмого сына, назвав его Говардом Даффи. Он пополнил компанию своих братьев: Чарльз младший — 4 года, Джесси — 7 лет, Эдгар — 9, Мэлвин — 11, Генри — 12, Эдвард — 13 и Уилльям, которому исполнилось уже 14 лет. Чарльзу Бранхаму становилось всё труднее и труднее прокормить своих восьмерых детей, особенно в холодные месяцы. Всю зиму 1922-23 г.г. Билли расставлял капканы, чтобы помочь отцу обеспечивать семью едой. Лесистые участки земли мистера Уотена кишели ондатрами, опоссумами⁹, зайцами, бобрами

---

⁹ Опоссум — животное из семейства млекопитающих отряда сумчатых. Длина тела от 8 до 50 см, хвоста — от 9 до 53 см. В Америке, от южной части Канады до центральной Аргентины, насчитывается до 65 видов. Объект охоты — мясо. (Пер.)

и скунсами¹⁰. Каждую ночь, в два часа, Билли брал фонарь и уходил проверять свои капканы, зачастую возвращаясь домой, когда уже нужно было идти в школу. Поскольку ему не во что было переодеться, он часто приходил в класс, воняя, как скунс, с которого снимал шкуру незадолго до того. Это вызывало огромное отвращение учеников, однако, вполне компенсировалось той пользой, которую он приносил своей семье. Когда в капкан попался заяц, Билли мог продать его за 15 центов, а потом купить коробку патронов 22-го калибра и застрелить ещё трёх или четырёх зайцев. Мама подавала зайца на ужин, с сухим печеньем и подливкой. Остальную дичь Билли продавал в городе, покупая на вырученные деньги кукурузную или пшеничную муку.

Поездка в город действовала на Билли угнетающе. У семьи Бранхамов была плохая репутация по всему Джефферсонвиллу, и, чтобы избежать встречи, люди часто переходили на другую сторону улицы. Некоторые, бывало, разговаривали с Билли, пока никто этого не видел; но стоило кому-нибудь появиться на горизонте, человек прекращал с ним беседу и удалялся. Это причиняло мальчику боль. Он знал, что его отец и дяди слыли буйной компанией — курили, жевали табак, играли в азартные игры, пили и тайно торговали самогоном. Но Билли с горечью размышлял: «В чём же я провинился? Я не виновен в этом. Я никогда в жизни не пил. Почему же меня причисляют к ним?»

Речь не идёт о том, что Билли не пробовал пить. В одно весеннее воскресное утро он шёл с Эдвардом к реке. Туда же шёл отец с мистером Дорнбушем — соседом, который сварил Чарльзу перегонные кубы. Мальчики собирались взять свою старую протекающую лодку и исследовать реку в поисках выброшенных стеклянных бутылок. (Чарльзу всегда были нужны бутылки для его домашнего пива, и он хорошо платил за них — по пять центов за дюжину.) В лодке Билли не было руля, что затрудняло управление при сильном течении. В качестве вёсел использовались две старые доски; Билли неуклюже загребал воду с одной стороны лодки, в то время как Эдвард грёб с другой. Мистер Дорнбуш симпатизировал Билли, и теперь Билли старался создать хорошее впечатление, надеясь, что тот одолжит ему на утро свою непротекающую лодку.

Недалеко от реки поперёк тропинки лежало дерево, сваленное бурей. Чарльз перекинул ногу через дерево, но вместо того, чтобы перелезть, он облокотился на сук и сказал:

— Давайте остановимся здесь и немного освежимся.

Вытащив из кармана небольшую плоскую бутылку с виски, он поднёс её к губам и затем передал своему товарищу. Мистер Дорнбуш

---

¹⁰ Скунс — полосатое животное из семейства куньих; защищается, выбрызгивая выделения с отвратительным запахом. (Пер.)

сделал глоток и вернул её Чарльзу, который припрятал её в ответвлениях торчавших корней.

Билли показалось, что лучшего времени не будет, чтобы снискать расположение.

— Мистер Дорнбуш, не могли бы мы с братом взять вашу лодку на утро?

— Конечно, Билли. Было бы отлично.

Дрожа от возбуждения, Билли подумал:

— Есть всё-таки хоть один, кому я нравлюсь.

Чарльз ещё раз глотнул виски и снова передал бутылку своему приятелю. Когда мистер Дорнбуш утолил жажду, он дал бутылку Билли, говоря:

— Давай, Билли, глотни.

Билли сказал:

— Нет, спасибо. Я не пью.

Мистер Дорнбуш, казалось, был ошеломлён такими словами.

— Уж не хочешь ли ты сказать мне, что ты, ирландец, притом ещё Бранхам, и не пьёшь?

Чарльз кивнул головой и, выразив на лице недовольство, сказал:

— У меня подрастает гурьба пацанов, но один из них — неженка. И это Билл.

Билли вспыхнул:

— Я?! Неженка?! — он испытывал омерзение к самой этой мысли.

— Мне уже до тошноты надоело, что меня называют неженкой. Дайте мне бутылку.

Мистер Дорнбуш протянул ему фляжку — Билли выхватил её из руки мужчины, откупорил и прижал к губам со злобной решимостью. Он начал заносить её вверх, но прежде чем капля виски попала ему в рот, он услышал шум, похожий на шелест листьев, захваченных вихрем: *“Хи-ш-ш-ш!”* Рука Билли замерла, бутылка зависла у его губ — *Хи-ш-ш-ш!* Это не было его воображением — он слышал это настолько же ясно, как и разговор возле себя. *“Хи-ш-ш-ш!”* Билли мгновенно вспомнился тот повелевающий голос в тополе: *“Никогда не пей, не кури и не оскверняй своего тела никаким образом. Когда повзрослеешь, для тебя будет труд”*.

До смерти перепуганный и наполненный разочарованием и замешательством, Билли выронил бутылку и пустился бежать через поле, плача горькими слезами.

Чарльз ухмыльнулся:

— Ну, вот видишь, я же тебе говорил. Этот, уж точно, неженка.

Куда бы Билли ни повернулся — жизнь с презрением скалила ему зубы. Он продолжал учёбу в школе до седьмого класса, и она была сопряжена с различными трудностями. Сельская школьная система требовала, чтобы ученики сами покупали себе учебники и школьные

принадлежности. У родителей Билли не было достаточно денег даже на карандаши и бумагу, не говоря уже об учебниках. Поэтому, каждый раз, когда Билли нужно было готовиться к урокам, он был вынужден одалживать учебник у другого ученика.

В то время школьная программа была направлена на воспитание в ребёнке высокой нравственности и развитие интеллекта. Один урок, который глубоко коснулся Билли, был посвящён изучению стихотворения Генри Лонгфелло *“Псалом Жизни”*.

Не тверди в строфах унылых:
 “Жизнь есть сон пустой!” В ком спит
 Душа¹¹, душой тот умер:
 В жизни высший смысл сокрыт.

Жизнь не грёзы. Жизнь есть подвиг!
 Не душа умрёт, а плоть.
 “Прах еси и в прах вернёшься,” —
 О душе не рёк Господь.

Не печаль и не блаженство
 Жизни цель: она зовёт
 Нас к труду, в котором бодро
 Мы должны идти вперёд.

Путь далёк, а Время мчится, —
 Не теряй в нём ничего.
 Помни, что биенье сердца —
 Погребальный марш его.

На житейском бранном поле,
 На биваке Жизни будь —
 Не рабом будь, а героем,
 Закалившим в битвах грудь.

Не оплакивай Былого,
 О Грядущем не мечтай,
 Действуй только в Настоящем

---

¹¹ И. А. Бунин, переводя это стихотворение, в 1-й и во 2-й строфах заменил слово “душа” словом “дух”. Г. Лонгфелло использовал в оригинальном тексте слово “soul” — душа, а не “spirit” — дух. (Пер.)

И ему лишь доверяй!

Жизнь великих призывает
Нас к великому идти,
Чтоб в песках времён остался
След и нашего пути, —

След, что выведет, быть может,
На дорогу и других —
Заблудившихся, усталых —
И пробудит совесть в них.

Встань же смело на работу,
Отдавай все силы ей
И учись в труде упорном
Ждать прихода лучших дней!

Это стихотворение вдохновило Билли. Однако, даже в самых бурных своих мечтах, он не мог вообразить, какие глубокие следы оставит на песках времени его же собственная жизнь. На данный момент, стихотворение Лонгфелло воспевало надежду в “угнетающей пустыне”. Эти величественные слова звучали в сердце Билли, ободряя этого растрёпанного четырнадцатилетнего мальчишку, пытавшегося понять несправедливость, которую он ощущал в своей жизни. Мальчишки, чуть постарше, поддразнивали его и придирались при любой возможности: что родился в штате Кентукки, что был беден, что был небольшого, для своих лет, роста; наконец, за то, что отличался от них.

К этому времени Билли понял причину нищеты своей семьи: пьянство отца. Однажды, после очередных насмешек, что он был одет в такую потрёпанную одежду, Билли прочитал в учебнике по истории эпизод о том, как Авраам Линкольн сошёл с корабля в Новом Орлеане и проходил мимо аукциона, где продавали рабов. Согласно этому рассказу, Авраам Линкольн увидел, как белые люди предлагали цену за большого, крепкого чернокожего мужчину, в то время как жена и дети того раба стояли сбоку, плача. Линкольн, хлопнув в ладоши, сказал: “Это неверно! И однажды я положу этому конец, даже если это будет стоить мне жизни!” Билли отодвинул в сторону учебник по истории и подумал: “Пьянство тоже неверно! И однажды я положу этому конец, даже если для этого потребуется *моя* жизнь!”

Но ничто не возбуждало его воображение так сильно, как чтение о пустыне Аризоны в учебнике по географии. Он всем сердцем жаждал находиться там; жаждал ездить верхом по открытой местности, усеянной

кактусами. Это казалось таким романтичным, успокаивающим и трогательным. В нём пробудился поэт, но записать свои мысли ему было не на чем; поэтому он попросил листок бумаги у соседа по парте и написал:

Я скучаю, так сильно скучаю
По юго-западу — там, вдалеке,
Где тени густо ложатся
На горном хребте.

Я вижу в засаде койота,
Кругом синеватая мгла.
Вой волка мне слышится тоже,
Где пасутся длинноногих стада.

И где-то в глубь каньона
Я слышу рёв горного льва,
В тех далёких горах Каталинах,
Где идёт Аризона черта.

К сожалению, притеснение со стороны учеников, старших по возрасту, стало выходить за пределы одних лишь насмешек и язвительных замечаний. После окончания уроков они неоднократно набрасывались на него. Билли был небольшого, для своих лет, роста, но обладал значительным мужеством, да ещё характером, покруче любой пилы. Мальчишки сбивали его с ног, а он снова вставал. Тогда они продолжали его сбивать до тех пор, пока у него не оставалось уже сил вновь подняться. Иногда его рот был так сильно изувечен, что он был не в состоянии жевать твёрдую пищу и вынужден был есть через соломку.

Однажды, весенним днём 1923 года, Билли провожал из школы домой девочку, неся в руках её книжки. Уже на пути к своему дому его окружили пять задири и толкнули в грязь. Один из них ухмыльнулся:

— Ты чего это ходишь с этой девчонкой?

Другой насмехался:

— Эй, даже и не вздумай ходить с ней, ты слышишь, вонючий неоперившийся кентуккийский “птенчик-скво”.

Им было известно, что Билли родился в штате Кентукки, и что его мать была наполовину индианкой-скво¹², поэтому они насмехались над ним, обзывая кентуккийским “птенчиком-скво”.

---

¹² Скво (от англ. squaw — индианка; жена) — так называют женщин-индианок (в особенности замужних), местных жительниц Северной Америки. Теперь это слово считается оскорбительным. (Пер.)

После такого оскорбления Билли вскочил на ноги и набросился на них, неистово размахивая во все стороны кулаками. Но пятеро — это не один: задиры повозились с ним, однако, сумели заломить ему руки за спину. Потом, пока четверо держали его в беспомощном положении, один парень, взяв в кулак увесистый камень, бил Билли в лицо до тех пор, пока он не сполз на землю, теряя сознание.

Билли стал их умолять:

— Прошу, отпустите меня! Я пойду прямо домой. Даю честное слово.

Поскольку он и так уже был в полуобморочном состоянии, мальчишки согласились. Но прежде, чем отпустить, швырнули его на землю и дали пару пинков, поцарапав лицо о грязные дорожные камни. Сделали это с изрядной подлостью и ушли.

Билли пошёл напрямик домой, но не для того, чтобы сидеть, сложа руки. Он снял с гвоздя ружьё “Винчестер” 22-го калибра, которое висело над дверью, зарядил его шестнадцатью патронами, затем выбрал кратчайший путь (через заросли белой акации) и направился к тому участку дороги, где, как он уже знал, будут проходить те мальчишки. Он затаился у обочины и стал ждать. Вскоре послышались голоса.

— Мы хорошенько проучили этого “кукурузного грызуна”. Теперь-то он будет знать, как ходить с девчонкой, — сказал один из них.

Другой поддакивал:

— А вы видели, как он перепугался?

Следующий добавил:

— Ещё бы, этот кентуккийский “птенчик-скво” теперь будет знать, где его место.

Выйдя из кустов, Билли преградил им дорогу ружьём и, взведя курок, хладнокровно сказал:

— Кто из вас будет умирать первым, чтобы не видеть, как умрут остальные?

Все пятеро побледнели и в ужасе завопили, отказываясь верить своим собственным глазам. Билли сказал:

— Не хнычьте, потому что вы все умрёте, один за другим.

Он навёл ствол ружья на мальчишку, который неоднократно бил его камнем:

— Начнём с тебя.

Он нажал курок. “Щёлк”, — произошла осечка. Билли быстро отдёргнул затвор и загнал в патронник другой патрон. “Щёлк”, — и этот не выстрелил. Все пятеро мальчишек уже неслись, как угорелые, крича во всё горло, перепрыгивая канавы и петляя между деревьями, стараясь выбраться из того злополучного места как можно скорее. Билли, преследуемый желанием убить их, неистово продолжал загонять патроны в патронник и

нажимать на курок: “Щёлк, щёлк, щёлк, щёлк...” Но ни один патрон не выстрелил.

Тех пятерых уже и след простыл. На земле же, возле Билли, были разбросаны шестнадцать патронов. Он собрал их, смахнул с них грязь и снова зарядил ими ружьё. Он навёл мушку ружья на дерево и начал нажимать на курок: “Бах, бах, бах, бах...” На этот раз не было ни одной осечки, и в ствол дерева летели пули, от которых кора щепками разлеталась во все стороны. Билли стоял на середине дороги, сгорая от гнева. Потом, ни с того ни с сего, он разразился безудержным истерическим смехом, который вырывался из глубины, от расстройства и досады. Он так сильно смеялся, что по распухшим щекам потекли слёзы.

В том году, когда школа закрылась на летние каникулы, Билли покинул её, и больше он туда уже не возвратился.

Глава 5

СЛУЧАЙНОЕ РАНЕНИЕ РУЖЕЙНЫМ ВЫСТРЕЛОМ

1923 — 1924

УИЛЬЯМ БРАНХАМ провёл своё четырнадцатое лето 1923 года, помогая своему отцу присматривать за садом и работая в поле. У Чарльза были две лошади: одна — старая, приученная к плугу, которая принадлежала ему, и другая — молодая, которую ему одолжил мистер Уотен. Поскольку Чарльз имел два плуга с разным отвалом, то он всегда пахал одновременно двумя плугами. В один из июньских дней, когда Билли и его отец вспахивали кукурузное поле, лошади вдруг начали фыркать и нервно топтать копытами. Билли с трудом удерживал свою лошадь между бороздами, чтобы отвал плуга не заходил на стебли кукурузы.

— Папа, что случилось с этой лошадыю? — закричал он.

Лошадь Чарльза тоже приплясывала. Он остановился, вытер лоб своим красно-белым клетчатым носовым платком и стал всматриваться в горизонт.

— Сынок, надвигается буря.

Билли взглянул на лазурно-голубую линию горизонта.

— Буря? Но я не вижу никакой бури, папа.

— Сынок, ты не понимаешь. Бог дал животным инстинкт, и лошади могут учуять бурю, когда она ещё совсем далеко.

Они снова взялись за плуги, но не успели пропахать и двух борозд, как тёмные тучи покрыли горизонт. Им едва ли хватило времени отвести лошадей в конюшню, как подул порывистый ветер с дождём. Билли не часто думал о Боге, так как эта тема редко появлялась в домашних разговорах; но в тот день он размышлял о Нём: ему стало интересно,

какими другими тонкими инстинктами Бог мог наделить животных. Вспоминая и размышляя о наблюдениях за другими обитателями леса, о чудесной гармонии природы, Билли пришёл к заключению, что Бог является очень умным существом.

Однажды, субботним утром, Билли спросил, можно ли ему пойти в город на весь день. Чарльз дал ему десять центов за помощь в течение недели и сказал: “Не расходуя всех денег в одном месте, сынок”.

Доехав до Джефферсонвилла на попутной машине, Билли направился к дому своего двоюродного брата, Джимми Пула. Потом он, Джимми и Эрнест Фишер пошли в центр города, чтобы потратить свои деньги. Идя по улице, Билли играл десятицентовой монетой, находящейся у него в кармане. Он ощущал себя таким богатым. Прежде всего, он купил стаканчик мороженого за один цент. Затем съел ещё две порции. После этого он пошёл в кондитерский магазин “Шимпф” и стал разглядывать огромные ряды стеклянных баночек, наполненных карамельными конфетами. Билли был здесь раньше и знал, что ему нравится больше всего. Он заплатил два цента за полкилограмма конфет с корицей. У него осталось пять центов — как раз то, что нужно, чтобы посмотреть двойной сеанс в “Театре Лео”.

После того, как Билли часами напролёт просматривал ковбойские фильмы, он воображал, что живёт на Западе и является героем на ранчо, приспособленном для приёма отдыхающих и обучения их верховой езде. Высшая точка его юношеского честолюбия заключалась в том, что он хотел быть настоящим ковбоем, с кожаными штанами и сапогами, с широкополой шляпой и норовистой лошадей, на которой никто не мог бы ездить, кроме него. Он часто слышал от отца, как тот в молодости объезживал полудиких лошадей и участвовал в играх и состязаниях ковбоев, проводившихся во многих штатах (от Кентукки до Техаса). Мальчик думал: “О-о, когда я ещё немного подрасту, поеду на Запад и буду настоящим наездником”.

Билли “тренировался” на старой пахарской лошади. После работы с отцом в поле он всегда приходил домой пораньше, чтобы выполнить повседневные домашние дела. Он отводил свою усталую лошадь за конюшню к корыту с водой, сделанному из выдолбленного бревна. Над корытом жужжали пчёлы. Лошадь погружала свою морду в муть, всасывая потоки воды, в то время как Билли снимал с неё упряжь и относил в конюшню. Младшие братья Билли толпились вокруг него. Они опускали в корыто волосяную “змею”, которую сплели из вычесанных из гривы и хвоста волос лошади. Когда лошадь всасывала воду, создавая волны,

волосяная “змея” извивалась на поверхности воды, как скользкий медноголовый щитомордник¹³.

Билли притаскивал из конюшни седло и забрасывал его на спину лошади. Вокруг корыта с водой густо разросся репейник. Билли, перед тем, как затянуть подпругу, рвал пригоршню колючих шишек и запихивал их под седло. Его братья усаживались на заборе в ряд, чтобы смотреть представление. Прыгая на спине лошади, Билли ударял своими каблуками в её бока, пытаясь заставить её взбрыкивать. Бедная старая лошадь, за весь день измождённая работой, просто ржала и ходила кругом, едва ли отрывая копыта от земли. Билли дёргался в седле из стороны в сторону, делая вид, будто его лошадь была свирепым лягающим мустангом. Шлёпнув лошадь по спине соломенной шляпой, он кричал:

— Посмотрите на меня! Я ковбой!

Его братья смеялись и хлопали в ладоши.

В ТУ ОСЕНЬ, после уборки урожая, Билли большую часть времени проводил на рыбалке или в лесу, охотясь со своим псом Фрицем. Билли любил своего бывшего охотничьего пса и хвастался, что Фриц мог загнать на дерево любое животное, умеющее лазить по деревьям. Даже скунс не мог подорвать авторитет его пса. Фриц, бывало, загонял скунса в кучу валежника, затем бегал и лаял вокруг той кучи, чтобы держать скунса в напряжении. Когда Билли подбегал, всё, что ему нужно было сделать, это раздвинуть валежник и сказать: “Возьми его, дружок!” Фриц без колебания прыгал туда и хватал скунса, не обращая внимания на ужасно вонючие выделения, которыми тот обрызгивал его. Конечно, мать Билли не одобряла такого рода проделки.

Охота и рыбалка стали для Билли более чем приятным времяпровождением. Часы, проводимые им в лесу, приносили уединение от внешнего мира, стали утешением и временем покоя в его жизни, — жизни, невыносимо давившей на него обстоятельствами. В лесу Билли не чувствовал себя отверженным. Он чувствовал, что является частью живой природы, частью ритма времён года, частью естественного порядка вселенной. Он чувствовал, что принадлежит ей.

Билли, бродя вдаль от дома, обнаружил Туннель Милл — сельскую местность, находившуюся в 24 километрах на северо-восток от Джефферсонвилла, вблизи Чарльзтауна, штат Индиана. **(Фото №3)** Эта местность получила своё название от знаменитой мельницы, которая стояла недалеко от Фортин Майл Крик¹⁴. В начале XIX века человек по имени Джон Уорк искал подходящее место для постройки мельницы.

¹³ Щитомордник — род ядовитых пресмыкающихся из семейства гремучих змей. (Пер.)

¹⁴ Название речки; дословно с английского: 14-мильная речушка. (Пер.)

Найти идеальное место было нелегко. Вода должна была течь с достаточной скоростью и силой, чтобы вращать огромное колесо его мельницы большую часть года. Джон Уорк заметил, что в одном месте реку Фортин Майл Крик почти полностью охватывает большой скалистый холм, снижая, в результате этого, уровень воды на семь метров. Он практически рассчитал, что если построить мельницу на стороне холма, находящейся ниже по течению, и с помощью динамита сделать туннель прямо в скалистом утёсе по направлению к верхней части течения реки, тогда крутой спад воды через туннель снабжал бы колесо его мельницы всей необходимой силой. Постройка мельницы и туннеля была завершена в 1820 году. Это и дало той местности соответствующее название — Туннель Милл. Тридцать лет спустя, сын Джона Уорка продал мельницу Уилфорду Грину, чья семья и управляет ею до сих пор. В связи с этим, местные жители иногда называют эту местность Гринс Милл. **(Фото №4)**

Отдалённая от цивилизации, местность Туннель Милл кишела рыбой, оленями, опоссумами, скунсами, енотами, ондатрами, бобрами, белками; там было много деревьев, холмов, камней, ручьёв, и царили тишина и безмятежность, — всё то, чего Билли желал в своей жизни. Он часто бывал там, добираясь на грузовиках, которые ездили взад и вперёд из Джефферсонвилла в Чарльзтаун. Иногда ему удавалось уговорить двух своих приятелей — Джимми Пула и Сэма Эдера — поехать с ним туда. Временами он брал с собой Эдварда и Генри. Обычно они спали в заброшенной избушке лесника и всегда ловили себе рыбу на завтрак прямо из ручья. В одном месте река Фортин Майл Крик достигала 3 метров глубины и 12 метров ширины, создавая тем самым великолепное место для купания. Билли окрестил это место “Бобровым Заливчиком”. Он прихватил с собой длинную верёвку и привязал её к суку дерева, который свисал над водой. С берега они могли хорошенько раскачаться на верёвке, а потом, выпуская её из рук, прыгали в ручей. Для мальчиков это были бесчисленные часы развлечения.

Когда Билли никого не удавалось уговорить поехать с ним, он один добирался на попутных машинах до Туннель Милл. Он целыми днями охотился, рыбачил и разведывал труднопроходимый лес. Во время одной из таких вылазок он случайно обнаружил своё будущее убежище. Обогнув холм, Билли очутился у подножия известнякового утёса. Он стоял на откосе, который вёл в ущелье глубиной около 25 метров. Вся эта местность была густо покрыта растительностью и усеяна глыбами известняка, падавшими с утёса. Билли шёл осторожно, прокладывая себе путь вдоль подножия, и тут он заметил у своих ног отверстие шириной чуть больше полметра, скрытое густым подлеском. Сначала он подумал, что это могла быть лисья нора — расселина между скалами хорошо скрывала животных от непогоды. Но более внимательный осмотр показал, что это был вход в пещеру. Сначала Билли просунул в отверстие ноги — расселина шла вниз

примерно на метр. Оттуда дно пещеры под наклоном шло в направлении холма, где сформировался узкий проход, который был достаточно высок, чтобы можно было стоять во весь рост. Воздух был прохладным и сырым. Билли прошёл на ощупь небольшое расстояние вдоль коридора, но тут его охватил страх, что он споткнётся и упадёт в яму. Далее он не осмелился идти в темноте и решил вернуться сюда в другой раз уже более оснащённым. **(Фото №5)**

Попав сюда в следующий раз, Билли прихватил с собой несколько свечек, чтобы иметь возможность продолжить исследование пещеры вглубь. Он юркнул в отверстие входа и съехал вниз по скользкому уклону к месту, где мог встать во весь рост. Здесь коридор был всего 45 сантиметров в ширину. Хотя стены были строго вертикальны, тени, вызванные мерцающим пламенем его свечи, подчёркивали многочисленные углы известнякового интерьера. Проход, слегка уклонившись вправо, немного расширился. Здесь дно и свод были довольно плоскими, словно эта часть пещеры была создана для обитания людей. Там даже был плоский выступ, который выдавался из одной стены и был величиной с кровать. После следующих трёх с половиной метров коридор снова сужался, дно и свод пещеры становились неровными; свод был усеян заострёнными глыбами известняка, плотно сдвинутыми одна к другой, однако, создавалось впечатление, будто они могут упасть в любое мгновение. **(Фото №6)**

Билли прошёл уже около восьми метров от входа в пещеру, как вдруг остановился, присвистнув от изумления: впереди пещера расширилась и превратилась в небольшую комнату. В середине этой комнаты находился стол, сформированный из цельной массивной глыбы известняка. Он представлял собой прямоугольник шириной и высотой, примерно, в метр и полтора метра в длину. Поверхность стола выглядела изумительно гладкой и ровной, а четыре края казались совершенно прямоугольными. Но самой поразительной особенностью комнаты была заострённая треугольная глыба, выступавшая из свода пещеры в виде перевёрнутой пирамиды. Этот камень висел прямо над столом; вершина же пирамиды находилась всего в нескольких сантиметрах от поверхности стола. **(Фото №7)**

Билли был доволен своей находкой. Это, казалось, было великолепным укрытием. Он решил не показывать этого места ни своим братьям, ни приятелям. Это будет его личной особой тайной. Выйдя из пещеры, он замаскировал вход в неё, чтобы никакой путешественник или охотник случайно её не обнаружили.

ЭТО БЫЛИ лучшие дни его юности, великолепные воспоминания: хождение по лесу, ночлег под открытым звёздным небом, ловля рыбы на завтрак, охота с винтовкой 22-го калибра, с помощью которой он добывал себе пищу на ужин. Стрельба Билли стала настолько меткой, что ему

удавалось убивать белок с 50 метров, попадая каждой меж глаз. У него это стало спортивным увлечением, поэтому он не нажимал курок, пока белка не смотрела в его направлении. Не хуже он наловчился стрелять и из дробовика, без особых усилий сбивая любую пернатую дичь, которая едва успевала подняться в воздух.

Однажды, осенним вечером 1923 года, четырнадцатилетний Билли шёл домой со своим двоюродным братом Джимми Пулом. В тот день они оба охотились на пернатую дичь, но теперь их мысли витали где-то далеко — они шутили и смеялись, толкая друг друга. К несчастью, Джимми не счёл нужным разрядить свой дробовик, и он внезапно выстрелил с очень близкого расстояния, попав прямо в ноги Билли. Тот рухнул наземь, пронзительно крича от боли.

Джимми, упав на колени, стал лепетать сквозь слёзы:

— Билли, прости! Пожалуйста, прости! Это был несчастный случай. Я не нарочно...

Затем он хорошенько взглянул на ноги своего друга, и лицо его побледнело.

— Билли, не шевелись. Я сбегаю за помощью.

— Нет, не оставляй меня! — закричал Билли.

Но Джимми уже нёсся, как заяц, без оглядки. Когда же Билли посмотрел на свои ноги, он ужаснулся — они были прострелены почти надвое. Он откинулся назад, дрожа от страха.

“Боже, смилуйся надо мной”, — застонал он. “Ты ведь знаешь, что я никогда не...”, — он замолчал, пытаясь вспомнить что-нибудь хорошее из своей жизни, что могло бы воздействовать на Бога; нечто, чтобы Он смилостивился над ним.

“Боже, смилуйся надо мной. Ты знаешь, что я никогда не прелюбодействовал”, — единственное, что он смог придумать.

Вскоре вернулся Джимми с соседом, Фрэнком Эйхом, который отвёз Билли в больницу “Кларк Каунти Мемориал Госпитал”. Билли кричал от мучительной боли, пока медсёстры отрезали ножницами большие куски мяса и прочищали, насколько могли, зияющие раны. Мистер Эйх держал Билли за руку. Когда медсёстры закончили, они вынуждены были отрывать пальцы Билли от запястий мистера Эйха. Рентгеновский снимок показал крупную дробь, застрявшую между двумя артериями, так что малейшая царапина могла бы разорвать эти сосуды, и у Билли началось бы кровотечение. В те дни о переливании крови ещё не знали. Если бы Билли потерял слишком много крови, это для него оказалось бы смертельным.

В ту ночь Билли спал урывками, временами хныкая, а иногда стоная от боли. Чуть за полночь его разбудил хлюпающий звук. Ощупывая свои покалеченные ноги, он опустил руку в лужу крови. Единственное, что могли сделать медсёстры, вызванные колокольчиком, это промакнуть кровь полотенцем и потуже затянуть повязки.

На следующее утро медсёстры отвезли Билли в операционную и, чтобы он не испытывал боли, дали ему эфир. Доктор Ридер сделал всё, что было в его силах, но сомневался, сможет ли мальчик это перенести, так как Билли был очень слаб. Кроме отца и матери, на протяжении этого тяжёлого испытания возле Билли стояли две леди: миссис Стюарт, приятельница их семьи, и миссис Родер, чей муж был директором местных автомобильных мастерских.

Билли проспал с обезболивающим средством восемь часов. Когда он, наконец, открыл глаза, то увидел сидящую возле его кровати миссис Родер, плачущую, так как он был на волоске от смерти. Билли снова погрузился в сон и в течение последующего часа несколько раз терял сознание. Затем нечто произошло — нечто, похожее на сон, но более отчётливое, чем сон; ясное, как стекло, словно он на самом деле там был...

Казалось, что для его мира не было никакой опоры; ничто не могло остановить его падение. Он закричал: “Папа!” Это слово показалось плоским и безжизненным. “Мама!” — закричал он. Его матери там не было. “Боже, — вскрикнул он, — подхвати меня!” Его жалкие крики глухо раздавались в беспредельной пустоте. Была ли эта тьма бесконечной? Ушёл ли он за пределы земного, за пределы досягаемости Бога? Может быть, он вечно будет продолжать вот так падать... Его охватил ужас.

Потом он услышал слабый, едва различимый шум: страшные, стонущие голоса. По мере того, как он падал, эти звуки становились всё громче, пока полностью не объяли его — то были стоны и ворчания. Теперь в темноте появились лица, ужасающие женские лица, с язвенными нарывами вокруг глаз и с искривлёнными ртами, стонущие: “У-у... у-у... у-у... у-у...”

Билли вскрикнул: “Боже, смилуйся надо мной! Смилуйся! Если Ты только позволишь мне вернуться и жить, я обещаю Тебе, что буду хорошим мальчиком!”

Через мгновение он очутился опять в больничной палате, а его расплывшееся видение слилось с тёмными, глубоко посаженными глазами его матери. Её лицо озарилось, и она обняла своего сына, рыдая: “О-о, Билли, Билли, мы уже думали, что ты мёртв. Слава Богу, ты жив!”

Да, жив, но еле-еле. В те дни не было пенициллина, поэтому его грубые раны от заражения пылали жаром. Его пребывание в больнице растянулось на недели. Семья Бранхамов не имела денег для оплаты больничных счетов, поэтому миссис Родер открыла благотворительный фонд на имя Билли. Все медицинские расходы были, наконец, полностью оплачены благодаря совместным сборам денег: в её церкви, обществом

помощи неимущим, у масонов, в Ку-клукс-клане¹⁵ и частными пожертвованиями.

Наконец, врачи сказали, что Билли поправился и его можно отвезти домой. К сожалению, его тяжёлому испытанию ещё не видно было конца. Дома он по-прежнему был прикован к постели. Прошло несколько месяцев, а состояние его ног не улучшалось. На протяжении многих мучительных мрачных часов Билли беспокойно метался на своём соломенном тюфяке, размышляя о том странном переживании, когда он погружался в ужасную тьму. Она казалась ему настолько реальной и правдоподобной. Где же он побывал? Врачи рассказывали ему о его физическом состоянии на тот момент: пульс резко убывал, и они были уверены, что он умирает. Билли задумался: “Уж не падал ли я в ад?” Это не давало ему покоя. Он подумал: “О-о, пусть я никогда снова не окажусь в таком месте; пусть никакому человеку не придётся идти в такое место, как то”. Затем он задумался над тем, что пообещал Богу: “Если Ты только позволишь мне жить, я обещаю, что буду хорошим мальчиком!” Что же означает “быть хорошим мальчиком”? И вообще, кто такой Бог? Все эти переживания озадачивали его.

Когда холодную зиму сменила тёплая весна 1924 года, стало очевидно, что состояние Билли ухудшилось, а не улучшилось. Икры его ног распухли вдвое их обычного размера, и опухоль поднялась к бёдрам, так что он не мог выпрямить ног. Доктор Ридер поставил диагноз: заражение крови, вызванное осколками, оставшимися в ранах. Жизнь Билли снова находилась в опасности. Врач рекомендовал ампутировать обе ноги до бёдер. Билли не мог смириться с мыслью о потере своих ног. Как же он сможет тогда охотиться и бродить по лесу? Уж лучше ему тогда умереть. С безусловной решимостью он отказался от ампутации ног, говоря сквозь слёзы:

— Нет, доктор, просто возьмите немного выше и отнимите их вот здесь, — и он провёл рукой себе по шее.

— Есть шанс обойтись без ампутации, — ответил доктор Ридер. — Мы могли бы попытаться очистить раны от инородных тел. Это небольшой шанс, но можно попробовать.

За этот небольшой шанс Билли желал ухватиться. Итак, спустя семь месяцев после того несчастного случая с дробовиком, он снова лежал на операционном столе. Доктор Ридер вместе с доктором Перлом, специалистом из Луисвилла, вскрыли его раны и осторожно проникали в ткани, извлекая, насколько они могли найти, кусочки засаленной охотничьей одежды, частички ружейных пыжей и крупную свинцовую дробь. Затем они зашили раны в ожидании лучшего.

---

¹⁵ (Ku-Klux-Klan) Тайная расистская организация в США, созданная в 1865 г. для борьбы с негритянским движением и прогрессивными организациями. (Пер.)

Билли проспал много часов с обезболивающими средствами. Выйдя из этого “заточения” в яркий свет сознания, он прошёл ещё одно поразительное переживание, которое было таким же реальным и правдоподобным, как и предыдущее, но принципиально отличалось от него. В этот раз он знал, что у него не было сна ни в одном глазу, потому что он лежал на больничной койке, глядя прямо на своего отца.

Больничная палата стала расплываться, и он, вдруг очутившись на Западе, стоял в прерии. Повсюду, до самой линии горизонта, росли кактусы и травяные кустарники. Перед его глазами в небе висел огромный золотой крест, сияя, как солнце, и испуская во все стороны лучи света. Когда Билли вознёс свои руки к тому символу, казалось, некоторые из тех лучей направились прямо в его грудь.

Затем то переживание ушло, и Билли снова ощутил себя лежащим в больничной палате, глядя на своего отца.

Операция прошла успешно.

